

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЩЕРБЯКОВЪ

СТАРООБРЪДЧЕСКІЙ
ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 5 р. — к.
„ полгода 2 „ 50 „
„ мѣсяцъ — „ 50 „
Объявленія печатаются послѣ текста — 25 коп. за строку пегита.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Виржевая площадь, домъ т-ва Рябушинскихъ.
Телефонъ 204—43.
За перемѣну адреса уплачивается 25 коп.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней,
отъ 10 до 6 час. вечера.

Редакторъ принимаетъ въ понедѣльникъ и среду отъ 12 до 2 час. дня.
Рукописи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются **безплатными**; не принятыя къ печати сохраняются два мѣсяца и затѣмъ уничтожаются; обратно пересылаются только по уплатѣ стоимости пересылки.

С В Ѣ Т Ц ы .
Я Н В А Р Ъ :

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 (неделя 31, по Просвѣщенію. Галсъ 6-й): Св. муч. Поліекта; пр. отца нашего Евстратія чудотворца; св. пророка Захарія.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 10: Иже во св. отца нашего Григорія, епископа нискоаго; пр. отца нашего Доментіана, епископа мелитинскаго; пр. отца нашего Маркіана, пресвитера и эконома Великія Церкви; пр. отца нашего Павла Комельскаго, иже на Обморѣ рѣцѣ.

ВТОРНИКЪ, 11: Пр. отца нашего Θεодосія, общему житію начальника; пр. отца нашего Михаила Клопскаго, новгородскаго чудотворца; пр. отца нашего Θεодосія, иже отъ Антіохіи.

СРЕДА, 12: Св. муч. Тагіаны; св. муч. Петра авесаломита; св. муч. Мергія. ЧЕТВЕРГЪ, 13: Св. муч. Ермила диакона и Сратонника; св. муч. Петра; пр. отца нашего Іакова, иже отъ Нисивія.

ПЯТНИЦА, 14: Препод. отецъ нашихъ, иже въ Синаи и Ранѣе избѣженныхъ; иже во св. отца нашего Саввы, архіепископа сербскаго; пр. отца нашего Θεодула; пр. отца нашего Стефана; пр. отца нашего Моисея; пр. отца нашего Іосифа.

СУББОТА, 15: Пр. отецъ нашихъ Павла Фивейскаго и Іоанна Кушника; св. муч. Панаефія.

ВѢТЬ ЖИЗНИ:

Что свойственно христіанину?—*„Въра любовью постышествуема* (Гал. 5, 6). Что свойственно вѣрѣ? Несомнѣнная увѣренность въ истинѣ богодухновенныхъ глаголовъ, которая не колеблется никакимъ помысломъ, наводитъ ли его естественная необходимость, или прикрывается онъ видомъ благочестія. Что свойственно вѣрному?—Располагаться къ такой увѣренности силою сказаннаго и не отвѣживаться что-нибудь отринуть или прибавить. Ибо ежели, *всяко еже не отъ въры, грѣхъ есть*, какъ говоритъ апостоль (Римл. 14, 23), а *въра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ* (10, 17),—то все, чего нѣтъ въ богодухновенномъ Писаніи, будучи не отъ вѣры, *грѣхъ есть*. Что свойственно любви къ Богу?—Соблюдать заповѣди Его, имѣя цѣлью славу Его. Что свойственно любви къ ближнему?—Искать не своихъ выгодъ, но выгодъ любимаго къ пользѣ душевной и тѣлесной. Что свойственно христіанину?—Родиться свыше въ крещеніи водою и Духомъ. Что свойственно рожденному водою?—Какъ Христосъ однажды умеръ грѣху, такъ и онъ долженъ быть мертвъ и недвижимъ на всякій грѣхъ. Что свойственно рожденному Ду-

хомъ?—Въ данной мѣрѣ стать такимъ, каковъ и Тотъ, отъ Кого рожденъ, какъ написано: *рожденное отъ плоти—плоть есть, а рожденное отъ Духа—духъ есть* (Іоан. 3, 6). Что свойственно рожденному свыше?—Совлечься *ветхаго чловкка съ дѣянными его и похотями и облечься въ новаго, обновляемаго въ разумѣ по образу создавшаго Его* (Кол. 3, 9), согласно съ сказаннымъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). Что свойственно христіанину? Очиститься отъ всякой скверны плоти и духа Кровію Христовою, творить святыню въ страхъ Божіемъ и любви Христовой, не имѣть *скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ*, но быть святымъ и непорочнымъ, и такъ есть тѣло Христово, и пить кровь. *Яды бо и пияи недостойны, судъ себѣ ястъ и пьетъ* (1 Кор. 11, 29). Что свойственно тѣмъ, которые ѣдятъ хлѣбъ и пьютъ чашу Господню?—Соблюдать непрерывное памятованіе объ Умершемъ за насъ и Воскресшемъ. Что свойственно соблюдающимъ таковое памятованіе?—Жить и Тому не себѣ, но Умершему за нихъ и Воскресшему“ (Св. Василій Великій).

Святые.

Такъ называемые „духовные“ или „евангельскіе“ христіане, какъ извѣстно, видятъ въ почитаніи святыхъ нарушеніе первой заповѣди закона Божія: „Да не будутъ тебѣ бози иніи...“ „Одинъ ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Ісусъ...“ (1 Тим. 2, 5).

Ихъ мысли, на первый взглядъ, имѣютъ всю видимость убѣдительности, но только—видимость.

Возможно, что при религіозной необразованности многихъ почитаніе святыхъ иногда близко подходит по виду къ ихъ обоготворенію и подаетъ поводъ къ нареканіямъ влюбленныхъ въ себя сектантовъ.

Но только по виду: нѣтъ сомнѣнія, что даже у грубаго черемиса-христіанина Николы, о которомъ я говорилъ въ прошломъ году въ ст. „Святые“, есть—и, очень опредѣленное, — различеніе между святителемъ Николой и Господомъ Богомъ. Святой для него не Богъ, а помощникъ,—старшій братъ, который иногда говоритъ передъ Богомъ за него косноязычнаго, часто не знающаго даже, о „чемъ помолиться“. И онъ чтитъ его приблизительно такъ, какъ чтитъ умершую мать и отца, только съ той разницей, что о святыхъ онъ знаетъ, какъ о *истинно живыхъ*, стоящихъ у престола Божія. Знаетъ, что они по благодати Божіей сильнѣе, чѣмъ ближніе ему умершіе, и могутъ больше помочь ему своей *благодатной силой*.

И потому упрекъ въ „обоженіи“ святыхъ сознательно недобросовѣстенъ.

— Но вы молитесь святымъ, какъ богамъ, — говорятъ „духовные христіане“.

„Спаси насъ. Ты одна у насъ надежда...“

Или святому Николѣ: „Спаси насъ, разрѣши мѣглу согрѣшеній нашихъ“ и т. п.

Развѣ—это не „обоготвореніе?“—„Нѣтъ иного имени подъ небесѣмъ“.

Помимо Христа у насъ нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись (Дѣян. 4, 12).

Да, вѣрно. Нѣтъ у насъ иного *Спасителя*, кромѣ *Господа Ісуса*.

Нѣтъ иного такого же Ходатая, какъ Онъ, своей Божественной Кровью примирившій насъ съ Богомъ; но мы и почитаемъ святыхъ особымъ почитаніемъ,—только какъ молитвенниковъ и заступниковъ.

Если мы вѣримъ въ безсмертіе душъ праведныхъ, то должны вѣрить, что они не могутъ быть безучастны къ нашимъ нуждамъ, что они помогутъ намъ, не *своей, конечно, силой, а силой Божіей*.

Они спасаютъ насъ не какъ Господь Ісусъ силою своею—Кровію своею, а своей молитвой къ Богу и помощью отъ того же *всесильнаго Бога*.

„Наши чудеса совершаетъ Самъ Богъ по молитвѣ или при содѣйствіи мучениковъ... мы своимъ мученикамъ, какъ богамъ, храмовъ не воздвигаемъ, а устроаемъ надгробные памятники, какъ умершимъ людямъ, души которыхъ живутъ у Бога. И воздвигаемъ тамъ алтари Богу. Приносимъ жертвы не мученикамъ, а Богу же, только у гробовъ мучениковъ“, — пишетъ блаженный Августинъ.

Развѣ не говорятъ о человѣкѣ, который отвелъ брата своего отъ грѣха,—вывелъ его изъ ямы грѣховной, что онъ спасъ грѣшника отъ гибели?

А это, конечно, не значитъ, что ему приписываютъ Христову силу!

Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, какъ о спасителѣ:

„Для всѣхъ я дѣлался всѣмъ, чтобы *спасти* хотя нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 12). „Не возбужу ли ревность въ сродникахъ моихъ и *не спасу ли* нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (Рим. 11, 14).

А чѣмъ онъ спасаетъ ихъ?

Между прочимъ молитвой:

„*Молюсь за васъ*, чтобы Отецъ далъ вамъ духа мудрости“ (Еф. 1, 16).

И потому-то апостолъ и Церковь всегда заповѣдали молитвы святымъ.

„Много можетъ молитва праведнаго“, — говоритъ апостолъ Іаковъ (Іак. 5, 16, 8). „Очи Господа обращены къ праведникамъ и уши Его къ молитвамъ ихъ“ (1 Пет. 3, 12).

— Но это все говорится о молитвѣ живымъ, не мертвымъ,—говорятъ сектанты.—А съ мертвыми какое общеніе у живыхъ?

Возраженіе странное. Богъ не „есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“. У Него *всѣ живы* (Лука 20, 38; Мо. 22, 32). И, конечно, святые живы болѣе, чѣмъ мы,—мертвые грѣхами.

Въ книгѣ Маккавейской читаемъ о видѣніи Іуды Маккавея: „Онъ видѣлъ Онію, бывшаго первосвященника, мужа честнаго и добраго... Видѣлъ, что онъ, простирая руки, молится за весь народъ іудейскій“. Потомъ явился другой мужъ... И сказала Онія: „Это — братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ городѣ, Іеремія пророкъ Божій“ (2 Мак. 13, 12—14 ст.).

А въ книгѣ Товитъ ангелъ говоритъ о себѣ Товиту: „Когда молился ты и невѣстка твоя Сарра, *я вознесилъ память молитвы твоей* передъ Святаго; и когда ты похоронялъ мертвыхъ, я также былъ съ тобою. И когда ты не облѣнился встать и оставить обѣщъ свой, чтобы пойти и убрать мертваго,—твоя благотворительность не утаилась отъ меня, но я былъ съ тобою“ (Тов. 12, 12—13).

Но возношеніе молитвъ ангелами есть не что иное, какъ присоединеніе молитвъ ангельскихъ къ молитвѣ человеческой (Апокалип. 8, 3—4).

Правда, могутъ сказать: Маккавейская книга—книга неканоническая. Однако эта книга библейская, и именно сектанты, отрицающія преданія, не могутъ, не имѣютъ никакого основанія различать каноническія и неканоническія книги.

Однако вотъ ясное мѣсто книги канонической: „Я увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убиенныхъ за Слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли. И возопили они громкимъ голосомъ, говоря: доколѣ, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу!“ (Апок. 6, 10).

Это въ Откровеніи св. Іоанна Богослова.

Въ другомъ мѣстѣ Откровенія говорится уже прямо, что небесные праведники „*возносятъ молитвы святыхъ*“, т. е. вѣрныхъ.

И еще разъ тайнозритель видѣлъ, какъ возносился дымъ оиміама изъ кадиланицы въ рукахъ ангела вмѣстѣ съ молитвами этихъ святыхъ предъ Бога (Апокалипс. 8, 3, 4).

Пророкъ Варухъ нѣкогда молился: „Господи Боже Израиля, услышь молитву умершихъ Израиля“ (Вар. 3, 4).

Этихъ свидѣтельствъ болѣе чѣмъ достаточно.

Ясно, что святые молятся за насъ, что они братски примыкаютъ къ нашей молитвѣ Господу и усиливаютъ ее своей праведной молитвой.

— Однако зачѣмъ же молитвы святымъ, когда можно обратиться къ Самому Господу? Зачѣмъ обращаться къ рабамъ, когда открыты двери къ Самому Господу? Не оскорбительно ли Господу это обращеніе чрезъ посредниковъ?—говорятъ сектанты.

Спросимъ ихъ: оскорбился ли Господь, когда сотникъ обратился къ Нему чрезъ посредство старѣйшинъ? Онъ не только не оскорбился, но одобрилъ его смиреніе и вѣру.

Да развѣ у насъ нѣтъ прямого повелѣнія Господня искать молитвы святыхъ?

„Богъ повелѣлъ Авимелеху, царю Герарскому (отнявшему у Авраама жену его Сарру), возвратитъ Сарру Аврааму, сказавши ему: онъ—пророкъ и помолится о тебѣ, и ты будешь живъ. И помолится Авраамъ Богу, исцѣлитъ Богъ Авимелеха и жену его“ (Быт. 20, 7—17).

Когда друзья Іова несправедливо приписывали ему тайные грѣхи, за которые онъ терпитъ муки болѣзни, Богъ явился друзьямъ Іова, изъявилъ имъ гнѣвъ свой на несправедливыя укоризны Іову и велѣлъ имъ просить Іова, чтобы онъ принесъ за нихъ жертву и помолится о нихъ.

„Сказалъ Господь Елифазу Феманитянину: горитъ гнѣвъ Мой на тебя и на двухъ друзей твоихъ... Итакъ, возьми себѣ семь тельцовъ и семь овновъ и подойдите къ рабу Моему Іову и принесите за себя жертву. И рабъ Мой Іовъ помолится за васъ, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть васъ“ (Іов. 42, 7—8).

Что говорить яснѣе этихъ словъ?

— Это—такъ,—скажутъ „духовные христіане“,—но здѣсь опять говорится о живыхъ. Іовъ и Авраамъ знали, о чемъ ихъ просятъ молиться,—а умершіе? Они не обладаютъ всевѣдѣніемъ. Откуда они будутъ знать, какъ услышать нашу молитву?

Да, святые не всевѣдущи. Однако они, по озаренію отъ Духа Святаго, могутъ слышать наши молитвы къ нимъ и видѣть такія событія на землѣ, которыя намъ, слабымъ людямъ, кажутся тайными. Вотъ что объ этомъ читаемъ мы въ священной Библии. Къ пророку Ахія пришла однажды жена Іеровоамова. „Ахія уже не могъ видѣть, ибо глаза его сдѣлались неподвижны отъ старости. И сказалъ Господь Ахіи: Вотъ идетъ жена Іеровоамова спроситъ тебя о сынѣ твоемъ, ибо онъ боленъ; такъ и такъ говори ей, она придетъ переодѣтая“ (3 Цар. 14, 4—6 ст.).

Въ 4-й книгѣ Царствъ разсказывается про царя Сирійскаго, который многократно задумывалъ напасть на израильтянъ. Коварные замыслы этого царя не исполнялись: „Посылалъ человекъ Божій (Елисѣй) къ царю Израильскому сказать: берегись проходить сямъ мѣстомъ, ибо тамъ сиріяне залегли“ (—6, 3). „И встретилося сердце царя Сирійскаго по сему случаю,—читаемъ въ 4-й книгѣ Царствъ,—и призвалъ онъ рабовъ своихъ и сказалъ имъ: скажите мнѣ, кто изъ нашихъ въ сношеніи съ царемъ Израильскимъ?—И сказалъ одинъ изъ слугъ его: никто, господинъ мой царь, а Елисѣй пророкъ, который у Израйля, пересказываетъ царю Израильскому и тѣ слова, которыя ты говоришь въ спальной комнатѣ своей“ (—6, 8—12 ст. 5, 25, 26 ст.).

Да и простыя данныя науки говорятъ за возможность общенія душъ. Такъ называемая телепатія, часть опытной (научной) психологіи, утверждаетъ возможность передачи вліянія одной души на другую на разстояніи, передачи на разстояніи мыслей.

Такъ не требуется ли допустить, что души святыхъ, благодатствованная Богомъ, способны слышать „касаніе“ нашихъ молитвъ и душъ?

— Говорите, что хотите,—продолжаютъ сектанты,—у насъ есть ясныя запрещенія поклоняться людямъ, и мы не хотимъ итти противъ слова Божія!

Какія запрещенія?

А вотъ какія.

„Я Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ. Не поклоняйся имъ и не служи имъ“ (Исх. 20, 3—5; Втор. 6, 13).

И потому, когда апостоль Іоаннъ палъ къ ногамъ ангела, чтобы поклониться ему, ангелъ сказалъ Іоанну: *Смотри, не дѣлай сего*; я—сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Іисусово: *Богу поклонись* (Апокалип. 19, 10; 22, 8—9).

Апостоль Петръ не принялъ поклона сотника Корнилія.

Точно такъ же и апостолы Павелъ и Варнава, когда въ Листрѣ хотѣли оказать имъ божеское почтеніе, разодрали свои одежды и, бросившись въ народъ, громко гласно говорили: мужи, что вы дѣлаете? И мы подобны вамъ, человекѣи“ (Дѣян. 14, 13—15).

Справедливо. Но вѣдь здѣсь же и есть отвѣтъ на недоумѣніе сектантовъ.

Язычники склонны были принимать апостоловъ за боговъ, оказывать имъ поклоненіе и почитаніе „божеское“. Поэтому апостолы и удерживаютъ ихъ отъ грѣха „обоженія“ людей, заявляя: „мы—человѣки“.

Но вѣдь Церковь устами 7-го вселенскаго собора заявила, что святые—не боги и поклоненіе имъ особое—не то, какое приличествуетъ одному Господу.

Я знаю, что сектанты снимаютъ шапки передъ зеркаломъ и портретомъ Царя: развѣ они почитаютъ его за Бога? И неужели они не снимутъ шапки, если Матерь Божія явится имъ?

Пусть они (допустимъ) не смотрятъ на изображеніе Богоматери какъ на святыню и видятъ въ немъ только „портретъ“,—даже тогда неужели не захочется имъ прижаться устами къ святому лику?

Во всякомъ случаѣ они поступаютъ не по Писанію. Правда, ангелъ запретилъ апостолу Іоанну поклониться ему.

Но причины ясны.

Ангелъ въ этотъ разъ былъ не болѣе, какъ только пророкомъ, открывающимъ будущее. И апостоль Іоаннъ, поклонившійся ему, въ этотъ разъ *былъ въ духѣ* (Апокал. 1. 10), былъ исполненъ Святаго Духа, имѣлъ свидѣтельство Іисусово, или пророчество, почему ангелъ и назвалъ себя въ этотъ разъ сослужителемъ пророковъ.

Ангелъ сказалъ эти слова апостолу Іоанну по смиренію, повелѣвая воздать славу Богу (Апокал. 19, 7), волю котораго ангелъ возвѣщалъ апостолу Іоанну (Апокал. 22, 6).

Что въ поклоненіи апостола ангелу не было ничего противнаго волѣ Божіей и неправильнаго, это видно изъ послѣдующаго дѣйствія апостола.

Послѣ словъ ангела апостоль однако снова поклонился ему (22, 8, 9).

А рядомъ съ этимъ мы имѣемъ и другія свидѣтельства.

Царь Саулъ поклонился Самуилу, тѣнь котораго,—уже послѣ его смерти,—была вызвана андорской волшебницей. Узналъ Саулъ, что это—Самуиль, и палъ лицомъ на землю и поклонился (1 Цар. 28, 14). По-

клонь, слѣдовательно, сдѣланъ человѣку, уже перешедшему въ другую жизнь.

А въ книгѣ Исуса Навина читаемъ: „Исусъ, находясь близъ Иерихона, взглянулъ и видитъ: и вотъ стоитъ предъ нимъ человекъ, и въ рукѣ его обнаженный мечъ... Онъ сказалъ: Я—вождь воинства Господня... Исусъ палъ лицомъ на землю и поклонился... Вождь воинства Господня сказалъ Исусу: Сними обувь твою съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято“ (Нов. 5, 13—15, ср. Суд. 6, 11—24 ст.).

„Вы приступили къ горѣ Сиону и ко граду Бога Живаго, къ Небесному Иерусалиму и тѣмамъ ангеловъ, къ торжествующему Собору и Церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судии всѣхъ—къ Богу, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ Ходатаю Новаго Завѣта—Исусу“.

Это пишетъ святой апостоль Павелъ.

Мы—въ общеніи съ сонмами праведныхъ, достигшихъ совершенства. вмѣстѣ съ ними мы приступаемъ къ Ходатаю Новаго Завѣта.

Такъ, по апостолу, разрывая наше общеніе съ праведными, не разорвемъ ли мы союзъ съ Христомъ?

Отказываться отъ общенія съ умершими значитъ разрушать любовь Христову—разрывать Христово Тѣло.

Христосъ—Глава Церкви: Онъ живетъ во всей Церкви, въ Церкви живыхъ и умершихъ, и тотъ, кто не хочетъ любовнаго единства со всѣми,—не любитъ Христа, выходитъ изъ того союза, который Онъ возглавляетъ и живетъ: изъ Церкви,—какъ бы ни понимали ее сектанты.

Епископъ Михаилъ.

Опасность толстовства.

Смерть Толстого, вызвавшая въ нашей странѣ столько шума и движенія чувствъ и мыслей, вскрыла много печальнаго и глубоко-интереснаго какъ въ средѣ господствующей церкви, формально осудившей Толстого, такъ и въ средѣ интеллигенціи, преклонившейся предъ нимъ. Искренне-вѣрующіе христіане выражаютъ опасеніе, какъ бы увлеченіе Толстымъ не породило новой религіи, способной если не сокрушить, то затмить христіанскую Церковь, превратить ее въ незначительное и даже ненужное учрежденіе. Боятся, что именно поклонники Толстого могутъ создать эту религію. Основательны ли эти опасенія и боязнь? И откуда можно ждать затмевія Церкви?

Припомнимъ, что вскорѣ послѣ смерти Толстого правительствующій синодъ, какъ сообщали газеты, издалъ распоряженіе, воспреещающее профессорамъ духовной академіи затрогивать въ своихъ лекціяхъ идеи Толстого. Зачѣмъ было издано такое распоряженіе? Казалось бы, что именно теперь, когда такъ сильно и увлекательно заговорили о Толстомъ, на богословахъ и профессорахъ академій лежалъ долгъ разоблачить несостоятельность толстовскаго ученія, раскрыть всѣ его недостатки и несоотвѣтствія истинному пониманію религіи и завѣтовъ Христа. Кто, какъ ни богословы, больше всѣхъ вооружены знаніемъ и пониманіемъ Евангелія и церковныхъ догматовъ? Кому же, какъ не имъ, возвѣщать должно христіанское ученіе и всю его правду и обличать всякое противленіе Христу, всякое искаженіе Его благовѣстія міру. Милліоны вѣрующихъ людей въ эти толстовскіе дни, когда смущалась и колебалась ихъ вѣрующая совѣсть, съ жадностью ждали сильнаго, яркаго,

убѣдительнаго обличенія толстовства. Къ ихъ глубокому разочарованію, и еще большому смущенію, вмѣсто ожидаемаго обличенія они услышали распоряженіе синода: молчать о Толстомъ, не касаться его религіозно-философскихъ ученій. Ни одинъ богословскій журналъ за это время не помѣстилъ на своихъ страницахъ ни одной критической статьи, посвященной Толстому. Только въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ напечатана была рѣчь „О графѣ Л. Н. Толстомъ“ профессора духовной академіи С. С. Глаголева. Онъ успѣлъ сказать ее еще до запретительнаго распоряженія синода. „9-го ноября,—разсказываетъ самъ Глаголевъ о своей рѣчи,—прочитавъ одну очередную лекцію и придя снова въ аудиторію, чтобы читать другую, я нашелъ на кафедрѣ обращенную ко мнѣ записку: „Просимъ васъ сказать свое слово по поводу смерти Л. Н. Толстого“. Желаніе студентовъ въ данномъ случаѣ выслушать меня—православнаго апологета—я нашелъ естественнымъ и законнымъ“ („Богослов. Вѣстн.“, ноябрь, 1910 г., стр. 558). Оно было законнымъ и естественнымъ не у однихъ только студентовъ московской духовной академіи, а у всѣхъ, кого интересуютъ и волнуютъ религіозные вопросы. Однако синодъ взглянулъ на это желаніе иначе и запретилъ профессорамъ академіи дать этому желанію удовлетвореніе. Синодъ поступилъ такъ не спроста. Онъ хорошо знаетъ, что значительное большинство академическихъ преподавателей почти такъ же отрицательно относятся къ Церкви и таинствамъ, какъ и Толстой относился. Разрѣшить имъ говорить о Толстомъ значило бы дозволить проповѣдь толстовства съ академическихъ кафедръ. Въ своей „Исповѣди“ Толстой разсказываетъ о своихъ бесѣдахъ съ представителями господствующей церкви: „Я ѣздилъ къ архимандритамъ, архіереямъ, старцамъ, схимникамъ и спрашивалъ, и никто никакой попытки не сдѣлалъ и несумѣлъ объяснить мнѣ этотъ соблазнъ (т. е. почему одни находятъ въ истинѣ, а другіе—въ заблужденіи). Одинъ только изъ нихъ разъяснилъ мнѣ все, но разъяснилъ все такъ, что я уже больше ни у кого не спрашивалъ“ („Исповѣдь“, стр. 196, изд. „Ясной Поляны“). Съ нимъ Толстой велъ бесѣду о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ. Нельзя ли ихъ уничтожить,—предложилъ Толстой.—Напримѣръ, старообрядцамъ „мы сказали: вы вѣрите въ никейскій символъ, въ семь таинствъ, и мы вѣримъ. Давайте же держаться этого, а въ остальномъ дѣлайте, какъ хотите. Мы соединились съ ними тѣмъ, что поставили существенное въ вѣрѣ выше несущественнаго. Теперь съ католиками нельзя сказать: вы вѣрите въ то-то и то-то, въ главное, а по отношенію filioque и папы дѣлайте, какъ хотите. Нельзя ли того же сказать и протестантамъ, соединившимъ съ нами въ главномъ? Собесѣдникъ мой согласился съ моею мыслью, но сказалъ мнѣ, что такіа уступки произведутъ нареканія на духовную власть въ томъ, что она отступаетъ отъ вѣры предковъ, и произведутъ расколъ, а призваніе духовной власти—блюсти во всей чистотѣ греко-россійскую православную вѣру, переданную ей отъ предковъ“ (стр. 197). „И я все понималъ“,—добавляетъ Толстой послѣ этого разсказа. Онъ понималъ, что у представителей церкви господствующей нѣтъ твердой разумной вѣры въ то, что они содержатъ и проповѣдуютъ. Для нихъ не имѣютъ никакой цѣнности догматическія истины, и если они тѣмъ не менѣе держатся за нихъ, отстаиваютъ ихъ, то только потому, что боятся „нареканія на духовную власть“, опасаются, какъ бы измѣна этимъ истинамъ не произвела раскола. Возможно ли разрѣшить такимъ богословамъ критиковать толстовскія идеи, когда они сами раздѣляютъ ихъ. Вотъ почему синодъ запретилъ имъ говорить о Толстомъ. Смерть Толстого обнаружила, что его отрицаніями заражены представители синодальной церкви и ея богословской науки. Толстовство,

если бы оно сформировалось как религія или секта, не представляло бы изъ себя никакой опасности ни для Церкви христіанской, ни для догматовъ церковныхъ. Опасность его заключается въ томъ, что оно, подобно яду, проникаетъ въ самый организмъ церковный и разлагаетъ его. вмѣсто того, чтобы выправить этотъ ядъ силою вѣры, прямой истиннаго исповѣданія, его прикрываютъ лицемѣремъ, притворствомъ, наружной, показной святостью. Отъ этого онъ становится болѣе опаснымъ и вреднымъ. Въ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“ Толстой упрекаетъ „ученыхъ историковъ“ въ томъ, что они „судятъ о христіанствѣ по тому христіанству, которое они видятъ въ нашемъ обществѣ“ (стр. 228). Большой грѣхъ и самого Толстого состоитъ въ томъ, что и онъ судилъ о Церкви христіанской по тѣмъ богословамъ и архипастырямъ, съ которыми онъ велъ религіозныя собесѣдованія и которые, будучи теплохладными, не могли возжечь въ своемъ собесѣдникѣ истинной вѣры. Онъ искалъ не только истиннаго ученія, но и исполненія его. „Нужно понять,—писалъ онъ къ политическимъ дѣятелямъ,—что для доброй жизни людей есть только одно средство: исповѣданіе и исполненіе религіознаго ученія, свойственнаго и понятнаго большинству людей. Только посредствомъ исповѣданія и исполненія людьми такого религіознаго ученія, люди могутъ достигнуть того идеала, который возникъ теперь въ ихъ сознаніи и къ которому они стремятся“ („Къ политическимъ дѣятелямъ“, стр. 52). Онъ не видѣлъ исполненія религіознаго ученія тѣми людьми, съ которыми онъ вступалъ въ религіозныя разговоры, и поэтому отвергъ ихъ ученіе. Но какъ это ни странно, Толстой все же пошелъ по ихъ дорогѣ, копируя ихъ непослѣдовательность собственному ученію. Всѣмъ этимъ лицемѣрамъ, которыхъ онъ разоблачалъ въ ихъ противорѣчій и которые оттолкнули его отъ Христа и Церкви своимъ криводушіемъ и расхожденіемъ въ жизни съ ученіемъ Евангелія, онъ далъ въ своемъ лицѣ могучее оправданіе. „Что-жъ вы насъ обвиняете въ непослѣдовательности,—возразятъ они своимъ обличителямъ,—посмотрите, самъ Толстой не слѣдовалъ своему ученію. Ни одного изъ своихъ ученій онъ не выполнилъ. Всѣ его утвержденія о государствѣ, семьѣ, о бракѣ, собственности повисли въ воздухѣ, не воплотившись въ реальность. Осуждая насъ, вы судите его“. Самъ Толстой писалъ: „Не великій, говорящій о духовномъ, есть истинный пророкъ, но тотъ, кто имѣетъ обычай Господа. По обычаю узнается лжепророкъ отъ пророка. Каждый пророкъ, поучающій истинѣ, не дѣлающій того, чему учитъ,—лжепророкъ“ (Соч. Толстого: „Ученіе 12 апостоловъ“, стр. 406). Толстой именно не дѣлалъ того, чему училъ. Его искренніе почитатели заявляютъ, что, дѣйствительно, онъ не слѣдовалъ своему вѣроученію. Но оправдываютъ его тѣмъ, что онъ хотя передъ смертью сдѣлалъ „попытку“ осуществить свое ученіе. „Смутно сознавалось, что въ житіи великаго Льва Толстого были пробѣлы, недописанныя главы, было нѣчто несвязное, противорѣчивое, и всѣ сразу почувствовали, что уходя его заполнилъ всѣ пустыя мѣста, дописалъ всѣ главы, устранилъ всѣ противорѣчія, связалъ все огромной цѣльной связью“ („Русское Богатство“, № 11, стр. 10). Но точно такое же оправданіе могутъ представить и тѣ, кого Толстой обличалъ въ противорѣчій и непослѣдовательности. „Въ молодости нагрѣшу, а въ старости покаюсь“,—этотъ афоризмъ имѣетъ за собою тысячелѣтнюю давность. „Дописывать всѣ главы“ на старости лѣтъ, „устранять противорѣчія“ въ виду могилы,—на это кто же не способенъ? Придется обвинять однихъ лишь покойниковъ, если они не успѣли раскаяться въ своихъ противорѣчійхъ даже предъ смертью, „не наполнили пустыя мѣста“ своей жизни. Послѣдовать за Тол-

стымъ въ этомъ предмогильномъ „дописываніи главъ“ много найдется охотниковъ. Это такъ легко и такъ естественно. И въ этомъ заключается опасность толстовства.

Толстовское вѣроученіе во всей его полнотѣ неосуществимо, и никто въ мірѣ его не принимаетъ. Говоря по поводу смерти Толстого, „Русское Богатство“ высказало интересное признаніе. „Нельзя сказать того, что мы скорбимъ объ утратѣ политическаго мыслителя, философа, богослова... Въ средѣ русскаго общества очень мало убѣжденныхъ послѣдователей Толстого,—мало людей, которые принимали бы его ученіе и раздѣляли бы его міроотношеніе. Когда-то ихъ было больше. Многие обнаруживали склонность увлечься „опрощеніемъ“ и „непротивленіемъ“, какъ основами жизни. Одно время могло даже казаться, что „камень, его же небрегоша злждущіе“, будетъ положенъ во главу угла особой, „толстовскою“ церкви. Но эта опасность,—свидѣтельствуется А. Пѣшехоновъ,—я, не колеблясь, употребляю это слово,—давно уже миновала. Толстовство, какъ живое общественное теченіе, уже изсякло“ („Русское Богатство“, № 11, стр. 26). Въ самомъ дѣлѣ, что же опаснаго въ томъ, что „давно уже изсякло“, и что самъ Толстой не въ силахъ былъ выполнить?

Интеллигенція не можетъ принять всего Толстого уже потому, что онъ отвергалъ науку и культуру. „Со мной случилось то,—разсказываетъ онъ въ „Исповѣди“,—что жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусства—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представила мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это сама жизнь, и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его“ („Исповѣдь“, стр. 185). Въ другомъ своемъ сочиненіи, „Возстановленіе ада“, Толстой всѣ роды дѣятельности культурнаго общества, всѣ его изобрѣтенія выводилъ подъ видомъ дьявольщины.

„— А насъ вы забыли!—закричали въ нѣсколько голосовъ остальные разношерстные, маленькіе, большіе, кривоногіе, толстые, худые дьяволы.

— Вы что дѣлаете?—спросилъ Вельзевулъ.

— Я—дьяволъ техническихъ усовершенствованій.

— Я—раздѣленія труда!

— Я—путей сообщенія!

— Я—книгопечатанія!

— Я—искусства.

— Я—медицины!

— Я—культуры!

— Я—воспитанія!

— Я—исправленія людей!

— Я—одурманиванія!

— Я—благотворительности!

— Я—соціализма!

— Я—феминизма!—закричали они всѣ вдругъ, тѣнясь впередъ, передъ лицомъ Вельзевула.“ („Возстановленіе ада“, стр. 13—14). Толстой съ одинаковымъ отрицаніемъ относился и къ церковнымъ таинствамъ и обрядамъ, и къ медицинѣ, и соціализму. Если онъ говорилъ духовенству: вы—дьяволы, то такимъ же именемъ онъ величалъ и представительницъ науки, искусства, книгопечатанія и т. п. Понятно отсюда, что всѣ эти „дьяволы“ не пойдутъ за Толстымъ и его міроотношеніе къ нимъ не привѣтается.

Замѣчательно, что даже отрицательное отношеніе его къ церковнымъ обрядамъ и вообще, къ обрядности не воспринимается во всей его полнотѣ ни народными массами, ни интеллигентными кругами. Любопытныя картины приходи-

лось наблюдать и у могилы Толстого въ день его погребенія, и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чествовали его память. При погребеніи Толстого студенты и другіе интеллигенты все время пѣли „вѣчную память“; въ моментъ опусканія праха въ могилу всѣ стали на колѣни. Толстой отвергалъ обряды, а они выполняли ихъ у его праха и у его могилы. Даже въ этотъ исключительный моментъ—преклоненія передъ нимъ—они никакъ иначе не могли выразить къ нему своихъ чувствъ, какъ обрядностью, установленною отрицаемой имъ церковью. Даже смерть Толстого не вытравивала изъ нихъ обрядовѣрія. Такъ сильно и глубоко оно коренится въ ихъ душѣ, въ ихъ чувствахъ. Во время демонстрированія погребенія Толстого въ кинематографахъ многіе е изъ интеллигентовъ, какъ сообщали газеты, и здѣсь пѣли „вѣчную память“, почтительно снимали шапки передъ картинами кинематографа и даже становились на колѣни. Толстой и его половинчатые послѣдователи отвергаютъ иконопочитаніе, какъ безмысленное будто бы идолопоклонство, а здѣсь падаютъ на колѣни передъ картиною, молятся на нее! Чѣмъ какъ ни молитвеннымъ настроеніемъ можно объяснить это преклоненіе. Это ли не идолопоклонство? Ихъ обрядовѣріе превзошло всякую вѣру въ обрядъ. Ни одинъ церковникъ не бросится на колѣни въ кинематографѣ. Что-то не слышно было, чтобы кто изъ церковниковъ сталъ на колѣни здѣсь, въ то время, когда демонстрировались картины изъ библейской или христіанской истории. Они съ благоговѣніемъ смотрѣли на картины, но молиться на нихъ у нихъ не было попытокъ. А вотъ почитатели Толстого, отвергавшаго церковность и обрядность, молились и падали на колѣни предъ его „иконами“. Это показываетъ, что его отрицаніе обрядности и церковности непрочно и не отвѣчаетъ душѣ человѣка. „Въ настоящее время,—говоритъ проф. Глаголевъ,—когда въ европейскомъ обществѣ ослабѣлъ культъ святыхъ людей, въ немъ усилился культъ великихъ людей. Не строятъ церквей во имя подвижниковъ Божіихъ, но называютъ улицы именами героевъ человѣчества. Не строятъ часовенъ святымъ, но ставятъ памятники великимъ. Это, конечно, проявленіе того же религіознаго инстинкта почитанія, обращеннаго только совѣмъ не на религіозную сферу“ („Богословскій Вѣстникъ“, ноябрь, 1910 г., стр. 562). То же говоритъ о внѣшнемъ выраженіи и проф. Ключевскій: „Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали себя помнить, въ продолженіе тысячелѣтій и до нашихъ дней они не умѣли обойтись безъ обряда ни въ религіи, ни въ другихъ житейскихъ отношеніяхъ нравственнаго характера. Надобно строго различать способъ усвоенія истины сознаниемъ и волей. Для сознанія достаточно извѣстнаго успія мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сдѣлать истину руководительницей воли, направительницей жизни цѣлыхъ обществъ. Для этого нужно облечь истину въ формы, въ обряды, въ цѣлое устройство, которое непрерывнымъ потокомъ надлежащихъ впечатлѣній приводило бы наши мысли въ извѣстный порядокъ, наши чувства въ извѣстное настроеніе, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и, такимъ образомъ, посредствомъ непрерывнаго упражненія и навыка, превращало бы требованія истины въ привычную нравственную потребность, въ произвольное влеченіе воли. Сколько прекрасныхъ истинъ, озарявшихъ духъ человѣческой и способныхъ освѣтить и согрѣть людское общежитіе, погибло безслѣдно для него только потому, что онѣ не успѣли во-время облечься въ такое устройство и помощью его не были достаточно разучены людьми! такъ не въ одной религіи, такъ и во всемъ“ („Курь русской исторіи“, час. III, стр. 373).

Почитатели Толстого не обошлись и безъ вѣры въ чудо, при чемъ и чудо они воплотили въ форму—въ обрядъ. Вско-

рѣ послѣ смерти Толстого петербургское религіозно-философское общество чествовало его память. Говорилось на собраніи общества много рѣчей, молились даже: Д. С. Мережковский въ своей рѣчи припомнилъ одну легенду о Толстомъ. „Онъ завѣщалъ похоронить себя на яснополянскомъ курганѣ, гдѣ игралъ въ дѣтствѣ. Тамъ основалъ съ братьями орденъ для спасенія міра; въ курганѣ зарылъ *какую-то зеленую палочку*, вѣря, что, когда ее отроютъ,—наступитъ на землѣ царство Божіе“. Толстого, дѣйствительно, похоронили тамъ, гдѣ онъ зарылъ въ дѣтствѣ зеленую палочку. Вѣра его въ палочку была столь сильна, что даже передъ смертью онъ не отмѣнилъ своего завѣщанія о похоронахъ. Вѣрить въ палочку и Мережковский. „Золотой вѣкъ, дѣтство міра,—говоритъ онъ,—въ будущемъ. Когда снова станемъ дѣтьми, повѣримъ въ чудо, то отроемъ зеленую палочку, и наступитъ на землѣ царство Божіе. У каждаго изъ насъ была, а можетъ быть, и есть еще своя зарытая *зеленая палочка*, своя дѣтская вѣра въ чудо. Не будемъ же стыдиться этой вѣры. Вѣрящее, дѣтское разлито сейчасъ въ самомъ воздухѣ Россіи. Вотъ откуда придетъ къ намъ помощь, если мы попробуемъ высказать то, что всѣ безмолвно чувствуемъ“. Такъ вѣритъ вождь современной вѣрующей интеллигенціи.

Церковность, обрядность, вѣра въ чудо,—вотъ что охватило интеллигенцію въ день погребенія Толстого. Толстовство, какъ отрицаніе многихъ сторонъ церковной и религіозной жизни, было въ это время забыто и, можетъ быть, похоронено вмѣстѣ съ Толстымъ. Забыто вѣрующей интеллигенціей, ею погребено. Въ ихъ душахъ „толстовство“,—выражаясь словами Пѣшехова, —изякло“, и поэтому въ немъ не видится опасности. Но оно опасно въ той формѣ, въ какой существуетъ въ господствующей церкви, въ скрытомъ видѣ. Внутри оно раздѣляетъ душу, а снаружи имѣетъ покровъ церковности и религіозности. Въ душѣ представители современной господствующей церкви лелѣютъ разрушительныя идеи Толстого, а извнѣ показываютъ себя его противниками. Это лицемѣріе и притворство хуже и опаснѣе всякой толстовщины. Оно поѣдаетъ духовный организмъ, какъ моль, незамѣтно и неуловимо. Поэтому и синопъ запретилъ профессорамъ духовныхъ академій говорить о Толстомъ. Онъ опасался, что эта моль будетъ обнаружена. Онъ скрываетъ коренящуюся въ господствующей церкви опасность, и этимъ только усиливаетъ ее, дѣлаетъ болѣе острой и вредной. Нужно снять съ нея всякій покровъ, раскрыть ее. Пусть всѣ ее видятъ и знаютъ. Тогда она потеряетъ свою остроту и вредность и никому не будетъ страшна.

Шалаевъ.

Отношеніе господствующей церкви къ старообрядчеству въ прошломъ году.

Какъ всегда, отношеніе господствующей церкви къ старообрядчеству было и въ прошломъ году непримиримымъ, враждебнымъ. Въ минувшемъ году оно болѣе ярко сказалося въ двухъ крупныхъ фактахъ: въ Государственномъ Совѣтѣ въ выступленіяхъ представителей синодальной іерархіи противъ правъ старообрядцевъ и на иркутскомъ съѣздѣ въ принятомъ имъ докладѣ г. Н. Гринягина „Сущій смыслъ раскольниковъ вѣры“.

Члены Государственнаго Совѣта — архіереи: Арсеній и Николай, и протоіереи: Буткевичъ и Вѣликовъ зло высмѣивали старообрядчество съ высокой трибуны нашей верхней палаты. Они издѣвались надъ вѣрованіями старооб-

рядцевъ, надъ ихъ религіозными и національными чувствами. Буткевичъ громилъ старообрядцевъ какъ политическихъ преступниковъ, какъ предателей отечества, измѣнниковъ Царю и родинѣ. Онъ клеветалъ на нихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Вѣрованія старообрядцевъ епископъ Николай язвительно обзываетъ чепухой; а законную старообрядческую іерархію кощунственно сравнивалъ съ фальшивой монетой. Замѣчательное признаніе сдѣлалъ онъ въ своей рѣчи. Послѣ 17-го апрѣля 1905 г.,—заявилъ еп. Николай,—старообрядцы „радовались, торжествовали, а мы плакали“. Въ этомъ признаніи вылилась вся сущность отношеній господствующей іерархіи къ старообрядчеству. „Мы плакали“,—это нужно читать: „мы скрежетали зубами“, такъ какъ архіерейскихъ слезъ никто не видѣлъ, а скрежетъ зубовъ былъ слышенъ повсюду. Но почему же, спрашивается, „плакали“? На что обидѣлись ихъ преосвященства? Да только на то, что старообрядцамъ позволено было въ родной ихъ странѣ молиться открыто Господу Богу, строить Ему храмы и увѣнчивать ихъ Животворящимъ Крестомъ Христовымъ. Это торжество Креста, эта ликующая молитва вѣрующихъ христіанъ, безобязанное приношеніе ихъ къ Богу—вотъ что опечалило синодальную іерархію и повергло ее въ уныніе и отчаяніе. Въ своемъ походѣ противъ старообрядцевъ въ Государственномъ Совѣтѣ синодальные іерархи и протоіерей совершенно обнажились, они предъ всеѣмъ свѣтомъ открыли истинную природу свою, обнаружили живущій въ нихъ духъ—духъ вражды и ненависти, духъ коварства и злобы. Если въ предыдущіе годы была кое-какая надежда на взаимныя соглашенія или, по крайней мѣрѣ, переговоры между старообрядчествомъ и господствующей церковью, то послѣ выступленій синодальныхъ представителей въ Государственномъ Совѣтѣ стало всеѣмъ очевидно, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было примиреніи. Напрасно объ этомъ и думать. „Не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными,—наставлялъ еще апостолъ Павелъ,—ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта съ тьмою?“ (2 Коринѣ., VI, 14).

Въ своихъ выступленияхъ въ Государственномъ Совѣтѣ представители церкви обнаружили и грубое невѣжество свое, что касается старообрядчества, его вѣроученія и обрядовъ. Оказалось, что они не знаютъ ни старообрядческой исторіи, ни основъ старообрядчества, ни его духа и настроеній, ни его жизни и развитія. Незнакомы они ни съ матеріалами по исторіи старообрядчества, ни съ научными изслѣдованіями по старообрядческимъ вопросамъ, сдѣланными въ новѣйшее время. Чего же можно ждать отъ этихъ невѣждъ, къ тому же озлобленныхъ, дышащихъ ненавистью и презрѣніемъ къ столбовымъ русскимъ людямъ, создавшимъ Россію своею кровью и страданіями. Прошлый годъ болѣе чѣмъ когда-либо открылъ старообрядцамъ глаза на истинное отношеніе къ нимъ синодальной іерархіи.

Столь же ярко это отношеніе сказалось и на Иркутскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. На немъ былъ заслушанъ и принятъ докладъ синодальнаго чиновника-миссіонера, редактора „Миссіонерск. Обзор.“, г. Гринякина. Разумѣется, онъ выразилъ въ докладѣ не свои личные взгляды на старообрядчество. Человѣкъ онъ недалекій и поэтому едва ли способенъ мыслить о чемъ-либо самостоятельно. Что внушили ему въ синодальныхъ кругахъ, то онъ и изложилъ въ своемъ докладѣ. Послѣдній поэтому пріобрѣтаетъ большее значеніе, какъ заключающій въ себѣ отраженіе синодальныхъ верховъ. Написанный въ балаганномъ тонѣ, докладъ Гринякина представляетъ изъ себя сплошное издѣвательство надъ старообрядчествомъ, кощунство надъ его святынями, высмѣиваніе его горячей преданности благочестію, церковности и уставности. Догматы, содержимые старообрядцами, обзываются

вотъ въ докладѣ „языческимъ кличемъ кіявлянъ, звавшихъ изъ Днѣпра низверженнаго идола—„выдыбай боже“. Обряды старообрядцевъ считаются „своего рода заклинаніями черной магіи“. Священные антиминсы называются „дряблой вѣтошью“. Весь докладъ переполненъ язвительностями и ехидствомъ. О самыхъ высочайшихъ догматахъ христіанства Гринякинъ говоритъ шутовскимъ языкомъ, точно онъ несвятныи касается, а паясничаетъ въ цирковомъ шатрѣ. Даже свою церковь онъ обзываетъ „кокеткой“. Такъ писать и такимъ тономъ способенъ только полный атеистъ, для котораго не существуетъ никакой святыни и въ которомъ нѣтъ ни совѣсти, ни души. Докладъ Гринякина обнаружилъ, какимъ духомъ проникнуты синодальныя сферы. Тамъ витаетъ не Духъ Божій, а противный ему духъ—духъ презрительнаго отношенія къ церковнымъ святынямъ и облагодѣстію,—духъ атеизма.

Въ прошломъ году, вскорѣ же послѣ Иркутскаго съѣзда, московское старообрядческое братство Честнаго Креста обратилось къ правительствующему синоду съ предложеніемъ устроить въ Москвѣ рядъ публичныхъ миссіонерскихъ собесѣдованій съ старообрядцами. Путемъ собесѣдованій братству хотѣлось выяснитъ предъ обществомъ и печалью истинный смыслъ и значеніе старообрядчества и доказать, что миссіонеры злонамѣренно клеветаютъ на него. На братское предложеніе синодъ даже не отвѣтилъ. И здѣсь обнаружилась сущность того же порядка—духъ презрѣнія къ людямъ, жаждущимъ правды и справедливости, духъ гордости и высокомѣрія.

Уклоняясь отъ публичныхъ, мирныхъ и равноправныхъ собесѣдованій съ старообрядцами, миссіонерство господствующей церкви выпустило въ отчетномъ году цѣлыя тучи копеечной литературы, направленной противъ старообрядчества. Въ своихъ брошюрахъ и листовкахъ миссіонеры злословятъ старообрядцевъ, хулятъ ихъ вѣрованіе, рассказываютъ о нихъ забавныя анекдоты. Ни одного серьезнаго капитальнаго сочиненія они не могли создать за весь годъ. Только одними грошевыми брошюрами и сражаются они съ старообрядчествомъ. Въ этомъ сказались ихъ беспочвенность и бессиліе.

Во многихъ мѣстахъ нашего необъятнаго отечества миссіонеры и духовенство господствующей церкви прибѣгали въ истекшемъ году ко всякимъ средствамъ, чтобы лишитъ старообрядцевъ полученной ими свободы. Нижегородскій архіерей Геннадій лишилъ старообрядческаго начетчика И. В. Шурашова права вступать въ публичное собесѣдованіе съ миссіонерами въ нижегородской епархіи, такъ какъ сильныя, всегда обоснованныя, его обличенія на бесѣдахъ постоянно принуждаютъ миссіонеровъ спасаться отъ него бѣгствомъ. Другого начетчика, И. С. Жмнева, миссіонеры архангельской епархіи привлекли къ уголовной отвѣтственности за его публичныя съ ними бесѣды въ с. Сурѣ, Архангельской губ. Они обвинили его въ томъ, что онъ будто бы призываетъ на одной изъ бесѣдъ „не присягать правительству“. Бывшіе на собесѣдованіи слушатели не подтвердили однако этого обвиненія.

Въ с. Дядково, Брянскаго уѣз., Орловской губ., мѣстный священникъ господствующей церкви пытался не допустить въ этомъ селѣ погребальной процессіи старообрядцевъ. Онъ письменно обращался къ становому приставу съ требованіемъ лишитъ старообрядцевъ права публично совершать богослуженіе. Приставъ, оказалось, твердо зналъ Высочайшіе указы и разъясненія правительства и поэтому отказался исполнитъ требованіе представителя господствующей церкви. Возставало духовенство синодальной іерархіи и противъ старообрядческихъ школъ. Такъ, напр., новоржевское зем-

ское собраніе по ходатайству одного изъ старообрядческихъ селеній постановило включить въ школьную сѣть старообрядческое училище, а мѣстный благочинный донесъ объ этомъ своему архіерею, указывая на соблазнъ для „православныхъ“ отъ сего постановленія. Архіерей передалъ донесеніе въ епархіальный училищный совѣтъ, который и обратился съ просьбой къ губернатору—неутверждать постановленіе новоржевскаго земскаго собранія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовенство писало доносы на старообрядческихъ учителей, требуя удаленія ихъ изъ школы.

Бывали случаи, что миссіонеры брали на себя роль полицейскихъ. Она такъ имъ сродна и симпатична. Въ ноябрѣ прошлаго года московскій миссіонеръ Полянскій производилъ въ сл. Губинскій, Владимірск. губ., разслѣдованіе относительно совершеннаго старообрядческимъ священникомъ присоединенія одного никоніанина. А нижегородскій епархіальный миссіонеръ Водягинъ учинилъ цѣлый погромъ въ д. Кувардино, Макарьевскаго уѣзда.

Какъ иногда и заурядные члены господствующей церкви относятся къ старообрядчеству и его іерархіи, можетъ служить показателемъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи въ Василевѣ, Нижегород. губ. Почтовый чиновникъ, разбирая письма, выкрикиваетъ имена адресатовъ. Среди другихъ именъ слышно: „Василь Баринуву“. Такъ обзывалъ чиновникъ мѣстнаго старообрядческаго священника о. Василія, всѣми уважаемаго. Даже отправляя служебныя обязанности, онъ не могъ удержаться отъ злобнаго проявленія чувствъ къ старообрядческому пастырю. Такъ сильно воспитали въ немъ эти чувства представители господствующей церкви. Нужно однако сказать, что міряне, члены этой церкви, только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ проявляли враждебное отношеніе къ старообрядчеству, и не общей массой, а какой-нибудь одинъ выскочка, пропитанный миссіонерско-полицейскимъ духомъ. Народъ же, въ общей своей массѣ, очень благожелательно и добросердечно относится къ старообрядчеству и его священнослужителямъ, съ благоговѣніемъ прислушивается къ ихъ богослуженію и нерѣдко открыто высказываетъ свою радость, видя истовое, уставное совершеніе службъ старообрядческимъ духовенствомъ. За весь прошлый годъ, какъ и за все послѣднее время религиозной свободы не произошло между старообрядцами и новообрядцами какого-либо столкновенія или просто недоразумѣнія во время публичнаго совершенія старообрядцами богослуженія. Враждебно старообрядчеству только духовенство господствующей церкви и главнымъ образомъ—ея миссіонеры, а міряне—народъ мирно уживаются съ своими братьями-старообрядцами. Въ этомъ есть залогъ сліянія народныхъ массъ въ одно исповѣданіе и въ единую св. соборную Церковь. Нужно только работать Господеви неуставно, съ любовью и самоотверженіемъ.

Ө. Мельниковъ.

Мысли по вопросу о соединеніи церквей.

Статья принца саксонскаго Макса.

(Изъ журнала „Roma e l'Oriente“, Novembre, 1910, I, Grossa Terrata).

(Окончаніе, см. № 1 ж. „Церковь“).

VIII.

Познаніе правды необходимо и относительно догматическихъ различій. Если хочется достигъ согласія въ этомъ отношеніи, нужно познать сущность этихъ различій. Но это какъ разъ всегда отсутствовало. Много писалось объ упо-

мянутыхъ вопросахъ, по крайней мѣрѣ, о происхожденіи Св. Духа, объ употребленіи опрѣснителей, которые въ средніе вѣка считались пунктомъ ученія, а не только церковнаго установленія. Отсутствовало и знаніе мнѣній противника и существующихъ трудностей.

Каждый разсматривалъ вопросъ сызнова со своей точки зрѣнія, доказывалъ его своимъ способомъ, и согласованіе двухъ мнѣній оставалось постоянно невозможнымъ.

На флорентійскомъ соборѣ разсматривали все эти разногласія, но отчасти довольно поверхностно. Не знали ни исторіи Церкви, ни свв. отцовъ. Латиняне пользовались ложными аргументами, чтобы доказать грекамъ происхожденіе Св. Духа и отъ Сына. Цитировалось даже мнимое изреченіе седьмого вселенскаго собора, якобы учившаго это, но текстъ оказался ложнымъ. Далѣе ссылаются на ложные тексты свв. церковныхъ отцовъ, другіе объясняютъ искусно (съ натяжками) по латинской догмѣ. Это не происходитъ по злой волѣ. Они, навѣрно, дѣйствовали въ убѣжденіи, что подложные тексты, приведенные ими, были подлинными, ни у грековъ, ни у латинянъ не было тогда достаточно ни критическаго сужденія, ни историческаго чутья, чтобы отличить апокрифическіе тексты отъ подлинныхъ. Множество мнимыхъ святоотеческихъ текстовъ, доказывающихъ происхожденіе и отъ Сына, импонировало нѣкоторымъ грекамъ, такъ что, казалось, они не смѣли возражать, и въ виду этого приняла латинское ученіе, вѣря, что его уже изложили древніе отцы. Почти то же самое продолжается до нашихъ дней. Это ученіе и соединенныя съ нимъ трудности почти никогда не были разработаны.

Такъ же обстоитъ дѣло и съ главенствомъ папы. Пользуются худшими доказательствами древности, свидѣтельствующими о нѣкоторомъ авторитетѣ римскаго епископа, какъ доказательствомъ догмы главенства, которое нынѣ проповѣдаютъ. Не различаютъ никогда текстовъ и отождествляютъ ихъ съ догматами, хотя они нискоимъ образомъ не догматическіе. За дѣло принимаются легко, но не разрубаютъ узла трудностей, котораго они и не замѣчаютъ. Въдѣ громадная разниа между существующимъ могуществомъ и ученіемъ, утверждающимъ, что оно происходитъ прямо отъ Бога и есть необходимая основа Церкви. Тѣмъ не менѣе эти дѣятели вопіиѣ отождествляются въ полемикѣ. И каждый св. отецъ, который даетъ римскому епископу нѣкоторый почетный титулъ, цитируется въ свидѣтельство ученія о главенствѣ.

Такимъ же образомъ приводятся аргументы въ пользу чистилища. Считаютъ вопросъ о полезности молитвъ за умершихъ и вопросъ о существованіи чистилища совершенно тождественными. Но не такъ обстоитъ дѣло. Не всякій молящійся объ умершихъ, тѣмъ же самымъ получаетъ уже идею о мѣстѣ очищенія.

Вопросъ о пресуществленіи въ литургіи не былъ никогда серьезно разсмотрѣнъ на Западѣ.

Основывались обыкновенно на римской литургіи, въ которой нѣтъ епиклизы (призываніе Св. Духа). Не зная же ни восточныхъ литургій, ни ученій, утверждающихъ, что оно заключается въ изреченіи свв. словъ нашего Господа, которыя осуществляютъ таинство. Но никто изъ тѣхъ, которые видятъ въ епиклизѣ основную часть освященія, не подчеркивалъ достаточно всеобщности употребленія епиклизы на Востокѣ и древности ученія. Св. Кириллъ Іерусалимскій, главнѣйшій составитель литургіи въ древности, является, навѣрно, не малымъ свидѣтелемъ и не ничтожной величиной. А съ нимъ учать тому же и другіе извѣстные отцы восточной церкви. Тѣмъ не менѣе однако не считаются съ этимъ и еще нынѣ заставляютъ всехъ восточныхъ униатовъ исповѣдывать, что освященіе происходитъ че-

резь одни слова Господа нашего. Весь же торжественный обряд епиклизы превратился въ лишнюю церемонію. Это смертельный ударъ восточной литургіи, если обрядъ, который является кульминаціоннымъ пунктомъ, объявляется лишеннымъ смысла. Но и восточный уніатъ сталъ латиняномъ. Онъ не освящаетъ болѣе по обрядамъ и ученію своей церкви, но по римской,—даже тогда, когда пользуется текстами епиклизы. И все это происходитъ даже въ то время, когда это латинское мнѣніе не было никогда опредѣлено и возведено до достоинства догмы даже Запада. А все-таки очень легко примирить обѣ точки зрѣнія. Стоило только сказать, что одни слова Спасителя не совершаютъ таинства, такъ какъ они должны соотвѣтствовать правдѣ, они дѣйствуютъ только вслѣдствіе освѣщенія со стороны церкви и ея намѣренія. Такъ какъ однако въ римской литургіи освященіе заключается только въ словахъ Спасителя, то они производятъ свое дѣйствіе непосредственно послѣ произнесенія ихъ. А такъ какъ, наоборотъ, въ восточной церкви, по ея намѣренію, епиклиза, слѣдующая за словами Спасителя, является основной частью освященія и его завершеніемъ,—слѣдуетъ, что на Востокѣ эти слова производятъ свое дѣйствіе только черезъ епиклизу, и что Господь нашъ только присутствуетъ во время совершенія епиклизы.

Если не хотятъ признать этой возможности, значить слѣдуетъ, что нѣкоторые великіе отцы Церкви ошибаются и что сама Церковь блуждаетъ въ громадныхъ пространствахъ, блуждаетъ по отношенію къ самому святому таинству служенія Богу. Кто же осмѣлится признать эту альтернативу, столь раздражающую и тяжелую послѣдствіями? Такъ же обстоятъ дѣло и съ муропомазаніемъ.

Со временъ Фотія Западъ сталъ считать восточное муропомазаніе, осуществляемое простыми священниками, не дѣйствительнымъ. Всегда предполагается, что у священниковъ-уніатовъ восточнаго обряда имѣется особое разрѣшеніе святого престола муропомазывать, и что, такимъ образомъ, ихъ муропомазаніе дѣйствительно. Но эта точка зрѣнія не принялась бы, если бы знали исторію. Утвержденіе, что якобы муропомазаніе предоставлялось только епископу, есть исключительно латинское оубяніе, появившееся въ болѣе позднія времена. Въ началѣ христіанства, какъ и послѣ на всемъ Востокѣ муропомазаніе соединялось съ крещеніемъ. Совершавшій таинство крещенія муропомазывалъ, несмотря на то—былъ ли онъ епископъ или священникъ. Значительно позже, когда крещеніе младенцевъ стало правиломъ, латинскій обычай Запада раздѣлилъ оба обряда, сохранивъ муропомазаніе для старшаго возраста. Вслѣдствіе этого раздѣлилось совершеніе этихъ обрядовъ между двумя лицами, между тѣмъ какъ въ старину, то одно, то другое совершалось крещеніе (съ муропомазаніемъ). Итакъ, крещеніе предоставлено священнику, муропомазаніе—епископу. Какъ же можно, въ виду этого, сомнѣваться въ силѣ муропомазанія черезъ священника.

Истиннѣ слѣдуетъ служить истинной, серьезно изслѣдуя вопросъ, а никакъ не заниматься поверхностной и неискренней защитой, что скрываетъ трудности и невѣрно освѣщаетъ обстоятельства. Боящейся истины является близорукимъ политикомъ, котораго постигаютъ неудачи. Онъ обманываетъ самого себя, скрывая трудности. Вѣра его не крѣпка, онъ сильно изумится и станетъ подавленнымъ, когда вдругъ встрѣтится съ правдой, которую онъ не приготовился принять. Не достигнется того, что было желательно получить такимъ способомъ, или же, если достигнется, будетъ менѣе крѣпко. Никто не повѣритъ, тѣмъ болѣе нашему дѣлу, если изобразить ему основную правду на слабыхъ или невѣрныхъ доказательствахъ. Если же пріобрѣтется этими аргументами приверженецъ на одинъ мигъ, онъ же самъ впоследствии

убѣдится въ отсутствіи основанія,—то послѣдствія будутъ тѣмъ болѣе печальны.

Но слѣдуетъ требовать то же отъ Востока, той же самой любви къ истинѣ и откровенности относительно догмы. Онъ тоже обязанъ не отказываться упрямо отъ познанія истины ученія и долженъ не закрывать глаза на хорошіе и дѣльные аргументы. Если мы должны признать, быть можетъ, что епиклизы Востока законныя, то православный, когда будетъ изучать латинскую патрологію (ученіе свв. отцовъ), долженъ будетъ признать, что латинское ученіе объ освященіи очень древне и что нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться въ дѣйствительности освященія епиклизы.

IX.

Любовь къ истинѣ приведетъ насъ, наконецъ, къ познанію обстоятельствъ, взглядовъ и характера стороны, съ которой приходится имѣть дѣло. Въ этомъ одна изъ большихъ трудностей. Западъ не знаетъ Востока, а Востокъ—Запада. Отчего столь трудно сближеніе обѣихъ сторонъ. Изучая исторію, можно замѣтить, что Западъ всегда хотѣлъ вліять на Востокъ, не зная его; его духъ былъ ему чуждъ. Западъ не зналъ, что Востокъ любитъ и чего боится и избѣгаетъ. Прежде всего видимъ это изъ папскихъ посланій различныхъ эпохъ. Правда, часто они были продиктованы прекраснѣйшими намѣреніями, но Римъ никогда не зналъ Востока и, къ сожалѣнію, часто говорилъ ему много неумѣстнаго. Но, если, съ одной стороны, желаютъ устраивать дѣла Востока, съ другой же,—не знаютъ ихъ состоянія и устройства, то со временемъ создается невыносимое положеніе, и рано или поздно должно было послѣдовать раздѣленіе. И нынѣ мы избѣгаемъ узнавать жалобы и желанія православныхъ.

Они жалуются, что мы не считаемся съ ними и думаютъ, что мы дѣлаемъ видъ, будто не знаемъ трудности и неудовольствія съ ихъ стороны противъ насъ. Мы остаемся въ своемъ домѣ, читаемъ только свои книги, разсматриваемъ вопросы только съ собственной точки зрѣнія, и затѣмъ выражаемъ свое удивленіе, кажущееся православнымъ наивнымъ: „Почему эти упрямые люди отклоняются отъ соединенія, предагаемаго имъ съ такой почтительностью и любезностью со стороны Рима“?

Любовь къ правдѣ воспрепятствуетъ намъ прибѣгать къ помощи множества мелкихъ хитростей и нечестыхъ средствъ, чтобы завлечь ближняго въ свои сѣти. Ничто другое, кромѣ безусловной вражды и абсолютной откровенности, не спасетъ насъ и другихъ. Искренность же подскажетъ каждой изъ сторонъ сознаться и раскаяться въ заблужденіяхъ и несправедливостяхъ. Правда, даже горькая, не должна отдалять, а только соединять.

X.

Рядомъ съ истиной имѣется еще и другое орудіе, основное на ней—это любовь ближняго. Истина сама по себѣ несомнѣнная сила. Въ книгѣ „Священникъ“, зачисленной семидесятью толковниками въ разрядъ каноническихъ писаній, Зоровавель доказываетъ королю Дарію, что правда сильнѣе всего въ мірѣ. Она является несомнѣнно соединяющими узамъ. Но чтобы создать пріязнь и сближеніе, необходима еще и любовь. Можно соглашаться по отношенію къ истинѣ, но не соглашаться въ жизни. Отсутствие любви къ ближнему привело бы легко къ отсутствію правды, такъ какъ любовь къ ближнему является подругой правды. И какъ разъ недостатокъ любви къ ближнему раздѣлилъ Востокъ и Западъ на цѣлые вѣка. Обѣ стороны питали другъ къ другу большую ненависть и отвращеніе, что продолжаетъ

ся въ своей значительной части и понинѣ. Боятся латинянъ у нѣкоторыхъ православныхъ Востока—основная часть отеческаго преданія. Также и у многихъ народовъ Запада, даже въ значительной мѣрѣ у протестантовъ, сохранилась традиція презирать Востокъ, бояться и ненавидѣть его.

Нужно однако начинать съ взаимнаго уваженія, съ проявленія интереса другъ къ другу, чтобы достичь взаимной любви. Судьба Востока была очень тяжела. Ему причинили безчисленное количество ранъ. Оставили его полумертваго на пути, подобно человѣку, попавшему въ руки разбойниковъ. И мы отвѣтственны за раны Востока, такъ какъ предоставили его врагамъ. И нѣтъ самарянина, который проявилъ бы милосердіе къ несчастному, хотя много священниковъ и левитовъ проходило мимо, но никто не откликнулся на его стоны и страданія. Призадумались ли мы надъ судьбой этихъ народовъ, надъ ихъ исторической катастрофой? Никакой плачъ Іереміи не въ состояніи оплакать ее. Вотъ жалобы православнаго Востока. Обращаютъ вниманіе на нихъ лишь съ точки зрѣнія религіознаго интереса; хотятъ подчинить ихъ Риму—вотъ и все. Не достигнувъ этой цѣли, отвертываются отъ нихъ. Національной симпатіи къ нимъ не питаютъ. Ихъ интересы не наши. Западъ съ давнихъ поръ прилагалъ большія усилія, чтобы разбить могущество мусульманъ. Затѣмъ, послѣ паденія Константинополя, Западъ выступалъ нѣсколько разъ противъ турокъ, но никогда въ интересъ восточныхъ христіанъ, законныхъ господъ страны,—только наоборотъ, всегда съ цѣлью покорить ихъ и водворить латинское владычество на Востокѣ.

Востокъ привыкъ, наконецъ, къ презрѣнію Запада, часто встрѣчаемъ грековъ, признательныхъ и тронутыхъ малѣйшимъ проявленіемъ кажущейся симпатіи и тономъ отношенія, отличнымъ отъ обыкновеннаго. Нужна безкорыстная любовь къ ближнему безъ задней мысли. Она должна прежде всего проявляться во взаимныхъ отношеніяхъ церквей. Я не буду входить въ детали, такъ какъ нельзя опредѣлить правило, по какому любовь обязана проявляться. Если она искренна, она легко найдетъ себѣ путь.

XI.

Вотъ тѣ орудія, о которыхъ я хотѣлъ говорить, никто не можетъ оспаривать ихъ значенія. Не существуетъ болѣе сильныхъ и болѣе хорошихъ орудій. Правда въ любви и любовь къ правдѣ превозмогутъ всѣ препятствія. Составляя эту статью, я прочиталъ въ молитвословѣ прекрасныя слова св. Бернарда,—развивающія почти ту же идею. Онъ объясняетъ то мѣсто Евангелія, въ которомъ сказано, что „око есть свѣтильникъ тѣла, если око чисто, все тѣло будетъ свѣтлымъ“ (Луки 11,—34). „Чистота сердечнаго ока,—говоритъ онъ,—покоится на любви къ ближнему въ замыслахъ и на правдѣ въ выборѣ средствъ. Кто любитъ хорошее и не избираетъ истиннаго, у того много ревности Божьей, но не по разуму“ (Римл. 10, 2). И я знаю, какъ можетъ, по мнѣнію правды, уживаться истинная искренность съ фальшью. Какъ можно соблюдать истинную простоту тому, кто не знаетъ Бога—простѣйшую правду, такъ какъ сказано: „Я не буду знаться съ незнающимъ“ (Коринѣ. I, 14, 38). Какъ, слѣдовательно, чистое око есть послѣдствіе двухъ добродѣтелей—любви хорошаго и знанія правды, подобно этому, злое око является послѣдствіемъ двухъ золь—слѣпоты, препятствующей познать истину, и злобы, внушающей намъ любовь къ несправедливости“ (Разсужд. Бернарда и повелѣнія и разрѣшенія).

Дорогіе братья Востока и Запада! Желаю вамъ истинно—чистое и свѣтлое око, открытое для правды и любви. Тогда всѣ наши взгляды будутъ истинными и спра-

ведливыми, и ихъ свѣтъ освѣтитъ все тѣло Церкви и христіанства. Что казалось покрытымъ мракомъ, засіяетъ свѣтомъ. Если бы у всего міра были обѣ добродѣтели и чистое око какъ ихъ послѣдствія,—вопросъ былъ бы рѣшенъ навсегда. Его трудно разрѣшить только благодаря отсутствію среди людей этихъ качествъ. Но его легко разрѣшить, не разрѣкая, какъ только примѣнять къ нему эти два качества. Мы должны молиться Всемогущему Господу — наивысшей Истинѣ и вершинѣ любви, о испосланіи намъ, Его созданіямъ, обоихъ качествъ, тогда не только этотъ вопросъ, но и всѣ другіе сего міра найдутъ хорошее и окончательное рѣшеніе.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ

Современное идолопоклонство.

Въ Петербургѣ съ разрѣшенія правительства воздвигается языческій храмъ во имя Будды. Постройка этого капища сильно взбудоражила ярыхъ ревнителей господствующей церкви. Они крикливо протестуютъ противъ постройки идольскаго храма. Съ печатнымъ протестомъ выступили и нѣкоторые студенты петербургской духовной академіи. По поводу ихъ протеста въ „Новомъ Времени“ напечатано интересное „открытое письмо“ къ нимъ ректора казанской духовной академіи епископа Алексія.

Я получилъ, — пишетъ онъ въ «письмѣ»,—небольшую брошюру (въ 7 стр.) подъ заголовкомъ «Можно ли терпѣть», съ слѣдующею на ней надписью: «Умоляемъ ваше преосвященство академическими организаціями поддержать насъ, ближе другихъ чувствующихъ наносимую дорогой святой Руси зловѣщую рану...» Брошюра принадлежит студентамъ петербургской духовной академіи: гг. Купрессову, Тарасову, Труфанову, Марченко и Ярушевичу, какъ это видно изъ заключительныхъ строкъ ея. Все содержаніе брошюры представляетъ собой одинъ сплошной вопль «молодыхъ сыновъ православной церкви» противъ небывалаго въ исторіи Россіи поруганія святой православной церкви, которое, по мнѣнію авторовъ, наноситъ ей построеніе въ Петербургѣ языческаго храма, для котораго уже привезенъ и лежитъ въ пакгаузѣ на вокзалѣ идолъ Будды.

Изъ брошюры еп. Алексій приводитъ такое патетическое мѣсто:

«Позоръ тѣмъ, кто не пойдетъ противъ идола. Неужели забыли, что великая Русь «отъ лѣтъ древнихъ» могуча вѣрой православной и сквернитъ ее сатанинскимъ престоломъ безнаказанно нельзя. Нельзя оскорблять православнаго народа ради угодливости горсти богоборцевъ. Измѣнились времена. Незнаваемы стали общественныя нравы. Раньше христіанство, прежде всего, охранялось, собирало на себѣ главное вниманіе правящихъ, всеобъемлющій интересъ управляемыхъ, а теперь оставили духъ Христовъ, первые — преступно-равнодушны, теплохолодны вторые. Куда итти. Къ кому итти. И говорить тяжело... И молчать нѣтъ силъ... И мы, молодые сыны православной вселенской апостольской церкви, беззавѣтно любящіе святую родину свою, мы, какъ одни изъ выразителей богословскаго вѣдѣнія, студенты петербургской духовной академіи, рѣшительно протестуемъ противъ построенія языческаго капища. Мы громко взываемъ ко всѣмъ, у кого еще не погасла любовь къ церкви и родинѣ. — властнымъ словомъ и твердою рукою отбросить прочъ капище и читателей его».

Похвальна ревность о Христѣ. Но слишкомъ поздно ухватились за нее „выразители богословскаго вѣдѣнія“. Они перепугались бездушнаго идола, но не страшились все время болѣе ужаснаго, чѣмъ созданіе вещественнаго „сатанинскаго престола“. Они были совершенно равнодушны и спокойны, когда храмъ воздвигся не на задворкахъ Петербурга, а въ

душѣ и чувствахъ ихъ одновѣрцевъ и единомышленниковъ. Задумались ли эти „сыны церкви“, беззавѣтно любящіе святую родину, надъ вопросомъ, почему это старообрядческій храмъ, созданный во имя Христа, притаился гдѣ-то на задворкахъ Петербурга, на какомъ-то таинственномъ Громовскомъ кладбищѣ, куда и днемъ трудно пробраться. Кто этотъ храмъ Божій загналъ въ такую даль. Чьи „властное слово и твердая рука отбросили“ его въ такую глушь. Будды въ Россіи тогда не было. И не сами же старообрядцы не захотѣли построить храмъ въ центрѣ города. Затѣмъ не разрѣшатъ ли вопросъ студенты петербургской академіи: кто стогналъ крестъ Христовъ съ старообрядческихъ храмовъ и считалъ его оказательствомъ, чего бы вы думали..... раскола! Вамъ былъ страшенъ крестъ Христа, вы не могли терпѣть храмовъ Божіихъ, построенныхъ старообрядцами,—такъ вотъ вамъ языческое капище и идолъ Будды. Это ваша судьба горько надъ вами посмѣялась. Къ кресту вы стали задомъ, отвернулись отъ него, но вотъ передъ вашимъ лицомъ выросъ языческій идолъ. И рады бы вы теперь повернуться лицомъ къ гонимому вами Христу, да поздно. Пожинайте то, что посеяли. Но послушаемъ, что отвѣтилъ петербургскимъ студентамъ епископъ Алексій.

Господа, — обращается онъ къ нимъ, — я вполнѣ раздѣляю вашу скорбь и готовъ вмѣстѣ съ вами громко заявить, что построение въ столицѣ православнаго христіанскаго народа языческаго храма — явленіе крайне опасное для христіанскаго чувства; но я не раздѣляю вашего *страха* предъ идоломъ Будды: вы приписываете ему слишкомъ большое могущество, если думаете, что съ появленіемъ его въ петербургскомъ grand monde, все въ православномъ обществѣ не только Петербурга, но и всей Россіи, придетъ въ разрушеніе: вѣра ослабѣетъ, нравы развратятся и проч. Я этихъ опасеній не раздѣляю, зная изъ словъ св. апостола Павла, что *идолъ въ міръ ничто*, это звукъ безъ содержанія, грубое произведеніе грубаго первобытнаго ума человѣческаго, которое на культурнаго человѣка никакого чарующаго впечатлѣнія не произведетъ. И я глубоко увѣренъ, что Будда въ Петербургѣ послѣдователей себѣ не найдетъ, даже и изъ среды эксцентричныхъ барынь. Нѣтъ, я насчетъ Будды рѣшительно спокоенъ. Да почему это вы, господа, такъ ополчились именно на идола Будды? Развѣ въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, особенно въ послѣдніе годы, идолы и идолопоклонство такая новость? Посмотрите попристальнѣе вокругъ себя. Развѣ вы не видите идоловъ и идолопоклонниковъ? Развѣ публичные дома, кафэ-шантаны, рестораны, пивныя, и проч. и проч., гдѣ, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ, молодежь и, что еще прискорбнѣе, учащаяся молодежь *прожигаетъ жизнь*, приносятъ въ жертву Бахусу и Венерѣ невинности сердца, чистоту ума и святость чувствъ, — развѣ, спрашиваемъ, это не языческія капища, а посятели ихъ развѣ не идолопоклонники? Развѣ произведения Арцыбашева, Л. Андреева, Куприна и другихъ, въ которыхъ, въ грубыхъ, циничныхъ сценахъ полового разгула проповѣдывается культъ плоти, произведенія, при чтеніи которыхъ отъ удовольствія захлебывается наша молодежь, которая хранится ею въ потайныхъ ящикахъ, подъ подушками, матрацами и проч. съ такою же священной ревностью, съ какою язычники хранятъ своихъ идоловъ, — развѣ, спрашиваемъ, это не идолы, а увлеченіе ими развѣ не идолопоклонство? Далѣе? А порнографическія картинки съ изображеніемъ нагихъ женскихъ тѣлъ и разныхъ гнусныхъ сценъ, — картинки, которыя учащіеся юноши носятъ подъ сюртукомъ на сердцѣ (такъ онѣ милы и дороги!), съ которыми они засыпаютъ и къ которымъ, проснувшись утромъ, льнуть устами, такъ же, какъ язычники къ своимъ идоламъ только съ разными чувствами и по разнымъ побужденіямъ, — развѣ это не культъ древней Астарты, тѣмъ болѣе опасный, что онъ, какъ неизбѣжной опредѣленной капища, распространяется въ самыхъ широкихъ слояхъ учащейся молодежи. А социализмъ съ его разрушительными теоріями... Развѣ это не идолъ страшнаго Молоха, которому съ такимъ ослѣпленіемъ поклоняется учащаяся молодежь, принося ему въ жертву свою молодую, цвѣтущую жизнь, возливая на его жертвенникъ свою и чужую кровь. Развѣ это не дикое идолопоклонство? О, сколько, юноши, у насъ такихъ идоловъ, гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ подслѣповатый Будда съ его длинной косой. Эти идолы — живые, дѣйствующіе, оупьяняющіе,

одуряющіе, высасывающіе изъ души человѣка все, что въ ней есть чистаго, идеальнаго, святаго и влияющіе въ него злобу, ненависть, отчаяніе, убійства, самоубійства и проч. Вотъ этихъ-то идоловъ я боюсь, боюсь не за себя, а за русскую молодежь, которая должна замѣнить насъ на жизненномъ поприщѣ, которая будетъ дѣлать нѣкогда нашу жизнь и нашу исторію во всемъ ея объемѣ: религіозную, общественную и политическую. Но что добраго, здороваго, чистаго, святаго эта молодежь внесетъ въ нашу жизнь, если она сама будетъ объята такимъ мракомъ идолопоклонства? Разсудите сами. Нѣтъ, юноши, если ужъ бороться противъ идоловъ и идолопоклонства, то боритесь противъ идола современнаго разврата учащейся молодежи. Готовьте себя къ церковно-просвѣтительной миссіи въ обществѣ, а для этого изучайте священное Писаніе и назидайте себя твореніями святыхъ отцовъ. Въ этой миссіи нуждается русское общество и оно въ правѣ требовать ее отъ васъ, какъ питомцевъ высшей духовной школы. Что же касается идола Будды, то, правда, по поводу появленія его въ Петербургѣ можно скорбѣть, но бояться его не слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ устраивать *академической организаціи*, къ чему вы приглашаете меня, чтобы поднять противъ него *крестовый походъ*. Вы хорошо знаете, что, когда на тѣлѣ человѣка появляются прыщи, лишай и проч., то это служитъ доказательствомъ недостатка въ организмѣ здоровыхъ соковъ. Петербургскій идолъ Будды, порнографія, социализмъ и проч., — это прыщи на духовно-нравственномъ организмѣ нашего общества. Учитесь и готовьте себя къ оздоровленію этого именно организма, и когда онъ будетъ здоровъ, тогда у насъ не будетъ ни идоловъ, ни идолопоклонства.

Большую и трудную задачу задалъ еп. Алексій „выразителямъ богословскаго вѣдѣнія“. Едва ли они возьмутся ее рѣшать. Съ мертвыми идолами какъ легко вести шумную войну. Вотъ попробуйте съ живымъ идолопоклонствомъ сразиться. На это у васъ нѣтъ ни силъ, ни „вѣдѣнія“. Да и сразаться-то вамъ пришлось бы съ самими собою, потому что вы-то и есть, по словамъ еп. Алексія, самые вредные и опасные идолопоклонники.

Сынки и пасынки Россіи.

Нигдѣ такъ не проявляется зависть у однихъ и пренебреженіе у другихъ, какъ въ семьѣ, гдѣ между дѣтьми одной матери раздѣляются права сыновства такъ, что однимъ даютъ права сыновъ, а другихъ ставятъ въ разрядъ пасынковъ.

Въ такой семьѣ нарушаются все законы, какъ Божескіе, такъ и человѣческіе, писанные и естественные. Въ такой семьѣ нѣтъ любви, а безъ любви не можетъ быть и Бога, ибо „Богъ есть любовь“, и исполненіе закона есть тоже любовь, какъ учитъ св. Іоаннъ Богословъ.

Взглянемъ на минуту на многочисленное семейство матушки Россіи: не дѣлится ли и оно на сыновъ и пасынковъ? Не отнимаются ли у однихъ изъ дѣтей права сыновей, поставивъ ихъ въ разрядъ пасынковъ?

Какъ ни тяжело и какъ ни грустно,—но такая картина—налицо.

Надняхъ въ газетахъ было напечатано, какъ въ царствующемъ градѣ С.-Петербургѣ праздновалось 200-лѣтіе основанія евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ Петербургѣ. Прихожане сказаннаго храма были очастливлены душевнымъ привѣтомъ Ихъ Императорскаго Величества.

Его Императорскому Величеству Государю Императору было угодно отмѣтить, какъ особо-выдающуюся и пріятную для него, дѣятельность прихода:

„Долголѣтнимъ упорнымъ трудомъ прихожанъ (выражаетъ Его Величество) достигнута достойная похвалы постановка состоящихъ при церкви св. Петра учебныхъ заведеній и благотворительныхъ учреждений. Желая далѣ-

вѣйшаго преусвѣянiя церкви и ея учрежденiямъ, не сомнѣваюсь, что благоволенiе, Нами неизмѣнно высказываемое съ высоты Престола, побудитъ прихожанъ къ вѣщему труду на пользу отечества“ („К.-Волжск. Рѣчь“, № 637).

Что можетъ быть отраднѣе слышать вѣрнопопданнѣмъ отъ своего Царя, какъ такое благопожеланiе и поощренiе къ благотворительнымъ и просвѣтительнымъ дѣлямъ.

И можно себѣ представить, какой радостью и благодарностью къ Богу и Царю наполнились сердца и души прихожанъ евангелическо-лютеранской церкви не только въ Петербургѣ, но и по всей Россii.

Поистинѣ они радуются радостiю сыновъ.

Но вотъ и положенiе пасынковъ.

Старообрядцы,—какъ по вѣрѣ, такъ и по крови,—истые сыны матушки Россii. Но судьба надѣлила ихъ положенiемъ пасынковъ.

Переживъ 200-лѣтнее отечественно-правовое лишенiе и пр., о чемъ не пишеть рука...—они, наконецъ, были очастливлены Царскимъ привѣтомъ 1905 и 1906 года.

Съ высоты Престола были Высочайше дарованы религiозная свобода и право образовывать старообрядческiя общины въ дѣляхъ учрежденiя благотворительныхъ и просвѣтительныхъ заведенiй, — такихъ заведенiй, преусвѣянiе которыхъ такъ желательно Государю Императору при церквяхъ евангелическо-лютеранскихъ.

По временнымъ правиламъ, Высочайше утвержденнымъ для старообрядцевъ, образовалось уже болѣе тысячи общинъ. И вотъ ожидалось полное формулированiе закона въ государственныхъ палатахъ на незыблемыхъ основахъ Высочайшихъ указовъ 1905 г. 17 апрѣля, 1905 г. 17 октября и 1906 г. 17 октября.

И... что же?!..

Въ этихъ палатахъ снова поднялись голоса, что старообрядцы не могутъ быть полноправными дѣтьми матушки Россii. Пусть они и еще поживутъ на положенiи пасынковъ.

Въ соединительной комиссiи по закону о старообрядцахъ взяла верхъ отрицательная сторона. Большинство комиссiи сказало старообрядцамъ: „Мы не дадимъ вамъ права проповѣдывать свое вѣроученiе, не дадимъ права вашему духовенству носить церковное облаченiе; не дадимъ права учреждать благотворительныя и просвѣтительныя заведенiя.

И все это сказано въ то время, когда Государь Императоръ такъ благожелательно выражалъ прихожанамъ лютеранской церкви дальнѣйшаго процвѣтанiя ихъ благотворительно-просвѣтительной дѣятельности.

Въ одно и то же время, однимъ выражается Царское благопожеланiе, а у другихъ это же благопожеланiе отрицается. Ясно, что одни—сынки, а другiе—псынки.

У сынковъ исполнилось 200-лѣтiе дѣятельности церковно-приходской жизни, а у пасынковъ минуло 200-лѣтнее безправiе, и обѣщанiе продолженiя. Естественно, у однихъ радость, у другихъ—печаль. И когда же?

Наканунѣ такого христiанскаго праздника, въ который вся земля и небо поютъ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволенiе“. Вѣдь небесный свѣтъ, сіяющiй надъ Божественнымъ младенцемъ Христомъ, внушаетъ намъ то, чтобы мы, какъ Его послѣдователи, распространяли все шире и шире въ сердцахъ своихъ свѣтъ ученiя Христова и другимъ того же желали.

А если вертепа, гдѣ лежалъ повитый Младенецъ Иисусъ, что другое показываютъ намъ, какъ не учрежденiе благотворительныхъ заведенiй для призрѣванiя бѣдныхъ, коихъ Христосъ зоветъ своими братьями.

Но не будемъ падать духомъ, старообрядцы! Будемъ

вѣрить, что сердечное стремленiе нашего возлюбленнаго Монарха о дарованiи намъ религiозной свободы и отечественныхъ правъ будетъ проведено въ жизнь, если ужъ не существующимъ составомъ Госуд. Думы, то будущимъ.

Старообр. свящ. о. К.

СРЕДИ МИССИОНЕРОВЪ.

Бесѣды въ г. Томскѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ старообрядчество въ городѣ Томскѣ, здѣсь не было проведено ни одного религiознаго собесѣдованiя со стороны господствующей церкви съ старообрядцами. Приѣзжая въ Томскъ, старообрядческiе начетчики не могли производить публичныя бесѣды то потому, что въ Томскѣ не было миссiонера противостарообрядческаго, то потому, что томскiй архiепископъ Макарий не разрѣшалъ публичныхъ диспутовъ о вѣрѣ, говоря: „Мы этимъ выставимъ „православiе“ на позоръ“. Эти опасенiя его имѣли свое основанiе. Но вотъ къ концѣ прошлаго года состоялись здѣсь публичныя бесѣды. Хотя архiепископъ Макарий и не измѣнилъ своихъ возрѣнiй на пренiя о вѣрѣ, но все же разрѣшилъ своему епархiальному миссiонеру произвести 4 бесѣды со старообрядцами. Въ томскихъ газетахъ было напечатано объявленiе, что 17-го октября начнутся бесѣды о. А. Кавлейскаго со старообрядцами, но съ какими старообрядцами—объ этомъ ничего не было сказано. Старообрядцы, приемлющiе священство Бѣлокриницкой iерархiи, заявили, что на этихъ бесѣдахъ они выступать не будутъ, пока не вызовутъ своего начетчика. Миссiонеръ далъ согласiе бесѣдовать съ начетчикомъ и даже подождать приѣзда послѣдняго, но назначенныя бесѣды провелъ одинъ безъ возражателей.

По просьбѣ томскаго старообрядческаго епископа Юасафа, московскiй архiепископъ Иоаннъ прислалъ въ Томскъ начетчика И. В. Шурашова. По приѣздѣ И. В. Шурашова въ Томскъ было заключено условiе съ миссiонеромъ о. А. Кавлейскимъ провести 4 бесѣды. Первая бесѣда была назначена 31-го октября „о раздѣленiи русской церкви, въ связи съ клятвами московскихъ соборовъ“. Публики собралось на бесѣду полонъ залъ; но миссiонеръ не явился. Нѣсколько десятковъ минутъ проходятъ въ тревожномъ ожиданiи... Но вотъ является нѣкто А. Е. Морщаковъ, исполняющiй должность миссiонерскаго служки, и дрожащимъ отъ волненiя голосомъ объявляетъ: „Довожу до свѣдѣнiя почтенной публики, что по болѣзни миссiонера о. А. Кавлейскаго бесѣда сегодня не состоится“. Эта неожиданная вѣсть такъ всѣхъ ошеломила, что на нѣсколько мгновенiй наступаетъ мертвая тишина. Потомъ поднялся страшный шумъ. И. В. Шурашовъ хотѣлъ сказать собравшимся нѣсколько словъ, но ему это запретили. Народъ не расходился, требуя бесѣды или докторское свидѣтельство о болѣзни миссiонера.

Бесѣды были отложены на неопредѣленное время. Болѣзнь миссiонера продолжалась порядочное время, и какаютъ чудная болѣзнь. Все время ему становится легче, но какъ только подходитъ день бесѣды,—болѣзнь усиливается. Эта болѣзнь миссiонера, можетъ быть, и до днесь продолжалась бы, если бы старообрядцы не обратились съ просьбой къ архiепископу Макарию назначить для бесѣды здороваго миссiонера. На другой день послѣ посѣщенiя старообрядцами архiепископа Макария начетчику Шурашову

было сообщено, что миссіонеръ поправился, и въ слѣдующіе дни будутъ назначены бесѣды. Нѣкоторые заключаютъ отсюда, что, вѣроятно, архіепископъ Макарій прописалъ миссіонеру цѣлительный рецептъ для его здоровья. Съ 14-го минувшаго ноября бесѣды все-таки начались; тема бесѣды первой была объявлена та же, что и на 31 октября была назначена. Въ первой своей рѣчи П. В. Шурашовъ доказывалъ, что старообрядцы имѣли полное основаніе отдѣлиться отъ Никона и поставилъ вопросъ миссіонеру: было ли такое событіе въ Церкви Христовой, какое случилось при Никонѣ, чтобы соборъ епископовъ проклиналъ православныхъ христіанъ за православные же обычаи и преданія, а непокоряющихся постановилъ наказывать казнями? Но миссіонеръ не отвѣчалъ на вопросъ, а говорилъ, что старообрядцы хулили церковь, устраивали бунты и тому подобное, не идущее къ вопросу. Начетчикъ, разобравъ всю миссіонерскую неправду и клевету на старообрядцевъ, просилъ показать, какой святой отецъ называетъ троеперстіе апостольскимъ преданіемъ? Миссіонеръ категорически заявилъ, что ни одинъ св. отецъ не писалъ, что троеперстіе есть апостольское преданіе; далѣе онъ доказывалъ, что сложеніе перстовъ не догматъ. Начетчикъ въ своей рѣчи благодарилъ миссіонера за его сознаніе и, въ свою очередь, привелъ массу свидѣтельствъ, доказывающихъ, что двоеперстіе есть апостольское преданіе.

Вторая бесѣда была проведена 16-го ноября „О вѣчности священства въ лицѣ епископовъ“. Миссіонеръ говорилъ много, почти все свои рѣчи наполнилъ тѣмъ, что Христосъ создалъ Церковь со священствомъ — съ трехчинной іерархіей. Начетчикъ просилъ миссіонера указать изъ священнаго Писанія, гдѣ Христосъ оградилъ епископовъ непогрѣшимостью? Но миссіонеръ и не думалъ отвѣчать на просьбу начетчика, говорилъ все старое, не касаясь вопроса. П. В. Шурашовъ привелъ множество свидѣтельствъ отъ священнаго Писанія, что епископы уклонялись и могутъ уклоняться въ заблужденія. Отъ паденія епископовъ Церковь Христова получаетъ рану, бываетъ вдовою, но все же остается Церковію Христовою, православною, а не еретическою. П. В. привелъ нѣсколько пророчествъ, что Церковь Христова будетъ вдова и укоряема за это отъ еретиковъ.

Третья бесѣда была 18-го ноября „О ересяхъ господствующей церкви, осужденныхъ вселенскими соборами и святыми отцами“. П. В. Шурашовъ, обвиняя господствующую церковь въ ересяхъ: арианской, прискилланитической, несторіанской, оригеновой и другихъ, доказывалъ изъ ученія господствующей церкви, что все эти ереси она содержитъ. Далѣе прочиталъ изъ „Церковнаго Вѣстника“, гдѣ ихъ епископъ Иннокентій тамбовскій называетъ свою церковь „разбойничьимъ вертепомъ“. Миссіонеръ доказательства начетчика опровергалъ слабо, даже не подходя къ многимъ, да и нечѣмъ было оправдывать свои заблужденія. Разбиралъ доказательства начетчика миссіонеръ слѣдующимъ образомъ: „Вотъ Иванъ Васильевичъ намъ прочиталъ о еретикѣ Оригенѣ; къ чему это онъ прочиталъ, не знаю. Мы, православные, не принимаемъ его ученія“, и, постоявъ немного, разводилъ руками, говоря: „Вотъ и все“.

Чтобы поправить провалъ бесѣды и выручить своего миссіонера, предсѣдатель бесѣдъ попросилъ академика о. Іоанна Ливанова сказать что-либо на тему бесѣды. Но тотъ, проговоря десять минутъ, ничего новаго не могъ сказать въ оправданіе своей церкви.

Предсѣдатель бесѣды, зная, что народъ потребуетъ дать слово начетчику для возраженія академику и, не дождавшись конца его рѣчи, закричалъ не своимъ голосомъ:

„Достойно есть“. Народъ и послѣ молитвы долго не уходилъ съ бесѣды, укоряя предсѣдателя въ недобросовѣстности. Четвертая бесѣда состоялась 21-го ноября. „О законности Австрійскаго священства“. Во все время бесѣды у миссіонера только и можно было слышать: бѣглый попъ, бѣглый митрополитъ. Начетчикъ же доказывалъ, что бѣгство отъ ереси похвально и что должно отъ заблужденія бѣжать. П. В. Шурашовъ приводилъ множество свидѣтельствъ отъ священнаго Писанія, что священникъ имѣетъ благодать Святаго Духа, и имѣетъ право вязать и рѣшать и принимать отъ ереси епископа. На все эти доказательства миссіонеръ отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ. вмѣсто разбора свидѣтельствъ, онъ начиналъ читать какой-нибудь анекдотъ. Если иногда миссіонеръ и подходилъ къ какому-нибудь свидѣтельству, то обыкновенно разбиралъ его такъ: „П. В. прочиталъ вотъ тутъ-то, но къ чему это прочитано? Не знаю. Вотъ и все“.

Миссіонеръ провалилъ окончательно бесѣды. „Союзники“ шумѣли на бесѣдахъ. Назначенный отъ архіепископа Макарія распорядитель бесѣдъ, о. протоіерей Семенъ Сосунъ, вель себя неприлично, возмущалъ народъ, постоянно прерывалъ рѣчи собесѣдника, и только слышалось отъ него: „Я вамъ говорю молчать, я вамъ запрещаю, а сейчасъ закрываю бесѣду“. Позволяя вмѣшиваться въ бесѣду кто бы только не пожелалъ; поведеніемъ его была возмущена вся интеллигенція и даже духовенство господствующей церкви. Помѣщеніе для бесѣдъ дали тѣсное, гдѣ собирается „союзъ русскаго народа“ и „общество трезвости“. Но правда все же торжествуетъ. Пока говорить миссіонеръ, слушаютъ его нехотя, ждутъ, скоро ли пройдутъ 20 минутъ его рѣчи. Но когда говоритъ начетчикъ, слушаютъ его съ замираніемъ сердца.

Хорошо было бы, если бы нашлись добрые и отзывчивые сердцемъ люди, которые бы могли дать помощь отдаленной Сибири имѣть постояннаго своего начетчика, какового и по настоящее время въ Сибири не имѣется. Здѣсь въ Сибири, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ образовалось болѣе 60-ти приходоу съ 69-ю священниками. Господь да поможетъ и здѣсь возрасть Церкви Божіей.

Посадъ Климово, Черниг. губ.

(Отъ нашего корреспондента).

12-го и 13-го минувшаго декабря въ нашемъ посадѣ миссіонеромъ господствующей церкви Родіонцевымъ были назначены двѣ бесѣды со старообрядцами: 1) „О православіи греко-восточной церкви“ и 2) „О Бѣлкриницкой іерархіи“. Мѣстные старообрядцы, въ виду того, что собесѣдованія здѣсь уже давно не было и чтобы придать этимъ собесѣдованіямъ болѣе широкое значеніе, пригласили съ своей стороны двухъ начетчиковъ: мѣстнаго—Т. Г. Федорова и изъ Москвы—Д. С. Варакина. Бесѣды происходили въ единонѣрскомъ храмѣ при многочисленномъ собраніи слушателей, въ числѣ которыхъ были даже евреи. Въ первой бесѣдѣ „О православіи греко-восточной церкви“ миссіонеръ старался доказать, что греческая церковь до Никона сіяла благочестіемъ, и, несмотря на то, что тамъ существовало издавна троеперстіе, русскіе патріархи, начиная съ п. Іова и кончая Іосифомъ, имѣли съ греками полное единеніе и считали греческую церковь вполне православною. А потому-де предки старообрядцевъ неправы въ томъ, что признали тогда церковь греческую потерявшею благочестіе,—и отдѣлились, слѣдовательно, незаконно.

Д. С. Варакинъ, въ свою очередь, доказывалъ, что предки старообрядцевъ отдѣлились отъ пастырей греческой и рус-

своей церкви совершенно законно. Отдѣлились они за то, что греческіе и русскіе пастыри того времени предали проклятію православныхъ христіанъ за православныя преданія и объявили ихъ за то же еретиками и армяно-подражателями. И если такъ, то тогда бы только предки старообрядцевъ подлежали осужденію, если бы они не отдѣлились отъ пастырей-проклинателей православія. Что же касается тогдашняго состоянія восточной церкви, то объ этомъ краснорѣчивѣе всего свидѣлствуютъ сами греки, что у нихъ все „исперпорчено“ и что цѣлое и неповрежденное благочестіе они нашли тогда только у русскихъ. Общеніе русскихъ патріарховъ съ греческими до Никона также не можетъ быть достаточнымъ основаніемъ къ признанію тогдашней греческой церкви вполне православною. Это видно изъ того, что послѣдній благочестивый патріархъ Іосифъ во многихъ случаяхъ замѣчалъ уклоненіе грековъ отъ чистоты, истины и даже принималъ грековъ, приходившихъ тогда въ Россію, черезъ муропомазаніе, испытывъ ихъ предварительно „подъ началомъ“ (См. „Характеръ отелон. Россіи къ православному Востоку“, Калтерева).

Далѣе г. Варакинъ доказывалъ, что если признавать греческую церковь вполне православною потому только, что русскіе патріархи до Никона не прерывали общенія съ греками, то необходимо нужно будетъ признать и римскую церковь девятаго и десятаго вѣка также вполне православною, потому что и тамъ греческіе патріархи слишкомъ дѣлать не прерывали общенія съ римскою церковью, несмотря на существовавшее уже въ то время искаженіе римлянами символа вѣры. Но греческая церковь была дѣйствительна православна, и отступленіе ея стало замѣчаться незадолго до раздѣленія русской церкви, а рѣшительное отпаденіе совершилось тогда, когда патріархъ Макарій съ Паисіемъ пріѣхали въ Россію и признали православіе св. Руси еретичествомъ.

Вторая бесѣда о Вѣловриницкой іерархіи со стороны миссіонера Родіонцева рѣшительно бездоказательна. Во всю бесѣду онъ только и сумѣлъ прочесть 6-е правило гангрскаго собора и 39-е свв. апостолъ, которыя были объявлены Д. С. далеко не въ пользу Родіонцева. Остальное же время второй бесѣды Родіонцевъ употребилъ на любимое миссіонерами занятіе—ругать и лгать на старообрядцевъ, что они будто бы народъ политически-неблагонадежный. Вообще Родіонцевъ пустился въ политиканство вмѣсто того, чтобы доказывать незаконность (конечно, несуществующую) Вѣловриницкой іерархіи.

Въ отвѣтъ на это Родіонцевъ получилъ отъ г. Варакина достойную отвѣдь, такъ что Родіонцевъ, видимо, не радъ былъ, что затронулъ этотъ вопросъ.

Оказалось, что по части неблагонадежности первенствующее мѣсто занимаетъ немалое число духовенства господствующей церкви, тогда какъ за старообрядцами ничего подобнаго нѣтъ. Хотѣлось, очевидно, сыграть Родіонцеву на этой стрункѣ, да какъ разъ не туда попалъ.

По окончаніи бесѣды на улицѣ среди народа раздавались слова: „Вотъ такъ Родіонцевъ выпался“. „Давно онъ этого не видалъ“.

Старообрядцы послѣ бесѣды очень прекрасно настроены и весьма довольны были своими начетчиками. Замѣчательно, что Родіонцевъ, несмотря на усиленные просьбы слушателей провести въ Климовѣ бесѣду о единовѣрїи, рѣшительно отказался, назначивъ такую въ посадѣ Митьковка, гдѣ единовѣрцевъ почти нѣтъ, тогда какъ въ Климовѣ ихъ порядочно, и онъ по своему вѣрно учелъ это обстоятельство. Боился, чтобы не повредить единовѣрїю!

Неудача.

(Разсказъ).

I.

О. Николай вернулся домой радостный и возбужденный.

Ему, какъ самому молодому и еще только-что вступившему на трудную дорогу миссіонерства, послѣ долгихъ просьбъ и ходатайствъ, позволили, наконецъ, выступить на одной изъ бесѣдъ со старообрядцами въ качествѣ самостоятельнаго и отвѣтственнаго миссіонера.

До этихъ поръ на его долю выпадала неблагоприятная и скучная обязанность блюстителя внѣшняго порядка на бесѣдахъ: слѣдить по часамъ за условными минутами спорщиковъ и напоминать заговорившемуся собесѣднику, что „его минуты прошли“; наблюдать, чтобы всѣ пункты „инструкціи оо. миссіонерамъ для веденія бесѣдъ съ глаголемыми старообрядцами“ неуклонно и неизмѣнно исполнялись, т.-е. строго слѣдить, на примѣръ, за тѣмъ, чтобы старообрядческой начетчикъ со своими рѣчами отнюдь не обращался къ народу, на что имѣлъ неотъемлемое право лишь православный миссіонеръ; чтобы старообрядцы послѣ заключительной рѣчи миссіонера, принадлежащей ему также по инструкціи „инструкціи“, уже не настаивали, чтобы было выслушано и ихъ послѣднее слово, и т. д.

Какъ человѣкъ молодой и еще не успѣвшій засушить своего сердца безжизненными правилами всевозможныхъ „инструкцій“, онъ нерѣдко самъ втайнѣ возмущался многочисленными стѣженіями и ограниченіями, какія на бесѣдахъ со старообрядцами производились съ явной цѣлью—по возможности обезоружить своихъ противниковъ. Ему казалось страннымъ и непонятнымъ, что правду можно защищать такими средствами, которыя по своему значенію сами далеки отъ справедливости.

И самъ, скрѣпя сердце, наблюдая за исполненіемъ правилъ „инструкціи“, онъ чувствовалъ, что благая идея миссіонерства никогда не осуществится, если миссіонеры, пользуясь своимъ правомъ сильною, не перестанутъ руководствоваться лукавыми и несправедливыми средствами. „Зачѣмъ обвинять такъ рѣзко, зачѣмъ издѣваться?“—часто съ недоумѣніемъ размышлялъ онъ. — Развѣ недостаточно для защиты правды говорить только о самой правдѣ, а не глумиться надъ заблужденіемъ?.. И, что важнѣе всего,—не лучше ли, уважая истину, не примѣнять средствъ, далекихъ отъ нея по своимъ свойствамъ?.. Не пора ли взглянуть истиннѣ прямо въ глаза?.. И къ чему это постоянное униженіе собесѣдниковъ, которые въ видѣ подсудимыхъ обязаны стоять предъ каедрой миссіонера и, подъ страхомъ изгнанія, не должны осмѣливаться обращать свой взоръ назадъ, къ слушателямъ, но во все время своихъ рѣчей смотрѣть прямо въ лицо миссіонеру... Не издѣвательство ли это надъ чело-вѣкомъ?.. Развѣ истина нуждается въ этомъ?.. Нѣтъ... все это глубоко ненормально и несправедливо... Не къ уясненію истины и не къ единенію вокругъ нея ведетъ это, а, наоборотъ, къ большому раздѣленію и неприязни... И такія собесѣдованія, производимыя съ такою системой ихъ веденія,—сплошная и въ корнѣ глубокая ошибка!.. О, если бы мнѣ пришлось когда-нибудь бесѣдовать со старообрядцами... Я чувствую, что я поступилъ бы совѣмъ иначе... Не насмѣшками и издѣвательствами, не притѣсненіями и ехидствомъ, а любовью,—христіанскою любовью миссіонера,—я зажегъ бы въ нихъ искру сочувствія, и, я вѣрю, она разгорѣлась бы въ такой ослѣпительный пламень любви и объединенія,—какой только и можетъ

сіять вокругъ кроткаго, всеобъединяющаго имени Христа!.. О, если бы мнѣ пришлось!..“

Весьма понятны поэтому его возбужденіе и радость, когда, снизойдя, наконецъ, къ его ходатайствамъ и хлопотамъ, ему разрѣшили для первой практики выступить на публичной бесѣдѣ со старообрядцами.

Тема бесѣды выбрана была для него, разумѣется, самая легкая, безъ риска возможнаго пораженія. Но онъ не слишкомъ огорчился этимъ. Не самая суть доказательствъ текстами св. Писанія казалось ему прежде всего важною (это все еще на школьной скамьѣ довольно было усвоено), а чисто-внѣшнее значеніе бесѣды, самый способъ вести ее, отношеніе къ своему будущему собесѣднику и къ слушателямъ-старообрядцамъ,—вотъ что казалось ему полнымъ глубокаго значенія и привлекало его...

Молодая фантазія его возбуждалась и рисовала ему самыя обаятельные и причудливыя картины.

Вотъ толпа самыхъ закоренѣлыхъ и упрямыхъ „раскольниковъ“, озлобленная постоянными насмѣшками и притѣвленіями прежнихъ миссіонеровъ, сначала съ недоумѣніемъ и даже недоброжелательствомъ, а затѣмъ все внимательнѣе и внимательнѣе прислушивается къ его словамъ, полнымъ молодой и задумчивой искренности; онъ видитъ, какъ недовѣрчивые и хмурые взоры ихъ мало-помалу смягчаются и дѣлаются все болѣе и болѣе серьезными и задумчивыми и какъ неясный ропотъ одобренія, все возрастая и усиливаясь, доходитъ до оглушительныхъ криковъ тысячной толпы:

— Батюшка!.. Спаси тебя Христосъ!.. Въ первый разъ мы слышимъ здѣсь *человѣчскія* слова.. Задѣлъ ты насъ за сердце!.. Заговорилъ по-Божьи, безъ коварства и безъ насмѣшки!.. Научи насъ!.. Настави!..

И тысячи дрожащихъ рукъ тянутся къ его кафедрѣ, хватаютъ за полы рясы... благословляютъ его... А онъ—трепетнымъ отъ возбужденія и счастья голосомъ—бросаетъ въ это волнующееся море головъ слова, полныя любви и мира...

.....

Придя домой, онъ наскоро объявилъ молодой своей матушкѣ о радости и сейчасъ же заперся въ кабинетъ—готовиться къ предстоящей бесѣдѣ.

Но въ одиночествѣ фантазія его заработала еще лихорадочнѣе, и волненіе всецѣло овладѣло имъ. Онъ то садился къ столу и пробовалъ сколько-нибудь сосредоточить свое вниманіе на лежащей предъ нимъ рукописи, то опять вскакивалъ, начиналъ шагать изъ угла въ уголъ... Въ головѣ не было ни одной связной мысли,—все перемѣшалось... и только изрѣдка изъ водоворота обрывковъ мыслей всплывали представленія о тысячахъ дрожащихъ рукъ, тянувшихся къ нему съ мольбою о правдѣ и справедливости... Онъ останавливался среди комнаты и крѣпко сжималъ ладонями пылающую свою голову, словно пробуя успокоить бующее тамъ море отрывочныхъ мыслей и безсвязныхъ картинъ. Иногда присаживался къ столу и долго писалъ что-то, перечитывалъ, опять писалъ... Потомъ снова бросался шагать изъ одного угла въ другой, натываясь на стулья...

Наконецъ, измучившись и нравственно и физически, онъ махнулъ рукою на рукопись и, не раздѣваясь, бросился на свою постель. „Что такое *тексты* сами по себѣ, если они приносятся или ледянымъ, равнодушнымъ тономъ наемнаго проповѣдника, или подставляются съ коварной цѣлью—намѣренной подтасовкой фактовъ и положеній представить все, что угодно, именно въ томъ смыслѣ, какой требуется миссіонеру въ данное время... Вѣдь дѣло

не въ *количествѣ* текстовъ, высказанныхъ въ доказательство истины, а въ томъ, чтобы *поставить эту истину въ полной независимости отъ разныхъ точекъ зрѣнія*; истина и не нуждается въ сложныхъ доказательствахъ, а тѣмъ болѣе не требуетъ никакихъ мѣръ, близкихъ къ произволу и насилію. Очевидно, все дѣло въ томъ, какъ *относиться* къ своему собесѣднику, какъ его выслушивать и какими средствами добиться отъ него внимательности къ себѣ и къ своимъ словамъ... А для этого надо... надо просто раскрыть свое сердце передъ слушателями, и все поймутъ, все почувствуютъ, въ чемъ правда и справедливость!..

О. Николай, вновь возбужденный этими мыслями, опять вскочилъ съ постели и забѣгалъ по комнатѣ, размахивая руками. Но прояснившіяся-было мысли при покойномъ положеніи теперь снова закружились въ бѣшенномъ круговоротѣ и, перескакивая одна черезъ другую, совершенно скрыли отъ него нить послѣдовательнаго мышленія. О. Николай пробовалъ-было собрать эти скачущіе обрывки мыслей и распредѣлить ихъ въ строгомъ порядкѣ и соотношеніи между собою, но только ожесточенно потиралъ лобъ, хмурился, и никакъ не могъ уловить ускользающее отъ него представленіе объ основной идеѣ его новаго назначенія...

Растерянно попробовалъ остановить свое вниманіе на какой-нибудь отдѣльной мысли и, безуспѣшно перебравши все способы „взять себя въ руки и успокоиться“,—о. Николай вторично махнулъ рукою (теперь уже на самого себя) и, кое-какъ раздѣвшись, легъ въ постель.

Еще двѣ-три безсвязныхъ, неопредѣленныхъ мысли пронеслось у него въ головѣ, и мало-помалу разгоряченная фантазія стала заволакиваться туманомъ давно желаннаго сна и покоя...

И, уже теряя сознаніе и переставая ощущать *самого себя*, какъ это всегда бываетъ передъ самымъ сномъ,—онъ неожиданно натолкнулся на новую мысль, необыкновенно ярко и быстро пронесшуюся у него въ засыпающемъ мозгу:

„...и когда поведутъ васъ на судилище, не заботьтесь, какъ и что будете говорить тамъ, и не обдумывайте, но что дано будетъ вамъ въ тотъ часъ, то и говорите. Потому что *не вы* будете говорить, но Духъ“...

II.

О. Николай проснулся на утро съ головной болью и легкимъ недомоганіемъ.

Вчерашнее возбужденіе смѣнилось какою-то вялостью; не хотѣлось ни за что браться, и на душѣ было такъ смутно и неопредѣленно, что о. Николай теперь не могъ бы рѣшить: радъ онъ или не радъ своему давно желанному назначенію...

Съ одной стороны, его привлекала и прямо-таки захватывала мысль, что, въ случаѣ успѣха, съ его первой же бесѣды начнется новая, поворотная эпоха миссіонерства и его тактики, что, видя неожиданно-широкіе результаты его новаторства, духовное начальство его кореннымъ образомъ измѣнитъ самую систему собесѣдованій, и онъ, такимъ образомъ, можетъ быть *первымъ* примирителемъ, благодаря которому постепенно ослабляется и исчезаетъ двухвѣковая вражда; но, съ другой стороны,—его бросало въ жаръ и въ холодъ при одной мысли, что онъ *ошибся*, слишкомъ понадѣялся на свою силу нравственнаго вліянія на слушателей; что его просто-на-просто *не поймутъ*, или отнесутся къ нему съ еще большимъ недовѣріемъ, и, осыпаясь насмѣшками и укорами, онъ самымъ обыкновенно-

веннымъ образомъ „провалитъ“ бесѣду, которой такъ добивался.. Ужасно!..

Его двойственное настроеніе выразилось особенно ярко въ утреннемъ разговорѣ съ матушкой.

Нѣкоторое время царило глубокое молчаніе. Матушка, время отъ времени бросая на мужа озабоченные взгляды, молча наливала и подавала ему чай, а о. Николай такъ же молча принималъ его, машинально помѣшивалъ ложечкой и сосредоточенно старался избѣжать взоровъ матушки. Онъ заранѣе зналъ, что встрѣтитъ ся обезпокоенный и даже какъ-будто *просящій* о чемъ-то взоръ ея, и также зналъ, что заговори онъ о своемъ назначеніи и намѣреніи бесѣдовать,—отъ матушки онъ не получитъ ни одобренія, ни совѣта, ни даже сколько-нибудь самостоятельнаго мнѣнія, которое можно было бы имѣть въ виду, а лишь цѣлый рядъ плоскихъ и одностороннихъ сѣтованій, насквозь проникнутыхъ чисто-женскимъ опасеніемъ за домашнее благополучіе и спокойствіе духа. „Потише, да поскромнѣй —отъ грѣха подальше!“—вотъ основная тема всѣхъ ея замѣчаній, и прошедшихъ и будущихъ...

Но пережитое имъ наканунѣ возбужденіе и всѣ мысли, передуманныя со времени его назначенія,—вызвали у него такую несдержимую потребность высказаться передъ кѣмъ угодно, хотя бы передъ матушкой, хотя бы и безъ надежды найти въ ней вдумчиваго и отзывчиваго собесѣдника, что о. Николай не могъ молчать далѣе.

Бываетъ настроеніе духа, когда возбужденному теченію мыслей становится тѣсно въ молчаливомъ анализѣ и одинокомъ обсужденіи безъ участія другого лица, и является непреодолимое стремленіе *говорить, думать вслухъ*, кого-то спрашивать и *самому же* отвѣчать на вопросы, колебаться и отыскивать прочное, устойчивое мнѣніе, на которое можно бы опереться и, главное, размышлять *вслухъ*,—какъ бы бесѣдуя съ кѣмъ-то, разсуждать и доискиваться, добираться до истинной, разумной точки зрѣнія.

Такое состояніе духа заставило и о. Николая въ это утро разговариваться съ матушкой болѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ когда-либо.

Передавая ей опрокинутую свою чашку, о. Николай нечаянно встрѣтился съ ея взглядомъ и на этотъ разъ не отвелъ въ сторону своего взора. Конечно, какъ и ожидалъ, онъ увидѣлъ давно знакомое выраженіе ея глазъ: напряженно-тоскливое и озабоченное... О. Николай не выдержалъ...

— Боишься?—съ усмѣшкою сказалъ онъ, вставая изъ за стола.—Уже боишься?.. А чего же, собственно, ты боишься?..

Матушка вмѣсто отвѣта испустила тяжелый вздохъ.

— На этотъ разъ и ты отчасти права...—продолжалъ о. Николай, не глядя на жену.—Я долженъ сказать откровенно: я и самъ.. немного боюсь!.. т. е. не то, чтобы боюсь, а...—о. Николай остановился...—понимаешь,—медленно и задумчиво произнесъ онъ, глядя куда-то вдалѣ передъ собою,—какое-то странное чувство на душѣ у меня... непонятное чувство, необъяснимое...

— Отецъ Николай, родной мой...—съ тоской въ голосѣ сказала матушка, жалобно смотря на него.

— Ну?.. что скажешь?..

— Да ты бы отказался!.. Богъ съ ними... наше дѣло маленькое...

О. Николай вспыхнулъ и въ волненіи забѣгалъ по комнатѣ.

— Представь себѣ, я былъ почти увѣренъ, что ты много и не скажешь мнѣ...—возбужденно заговорилъ онъ,

остановившись передъ женою.—Ну, подумай, сообрази сама, какъ я могу, съ какими глазами я могу отказываться отъ того, чего такъ долго я же самъ и добивался всѣми силами!.. Не будетъ ли это похоже на бѣгство, бѣгство еще *до начала сраженія*!.. Отказываться!.. И это только потому, что я чувствую нѣкоторое волненіе, весьма понятное... Никогда!.. Слышишь!—ни-ко-гда!..

Матушка опять испустила вздохъ. О. Николай махнулъ рукой и снова забѣгалъ по комнатѣ. Внутри у него такъ и кипѣло невысказанное, просящееся наружу чувство... Являлась потребность *излить* его передъ кѣмъ бы тамъ ни было, хотя бы передъ самимъ собою... Но молчать и скрывать его въ себѣ, когда оно тѣснитъ грудь и переполняетъ сердце, онъ былъ уже не въ силахъ...

— Я, съ одной стороны, вполне понимаю твое безпокойство...—нервно заговорилъ онъ, остановившись на минуту,—ты опасаясь не столько за меня, сколько *за насъ обоихъ* и даже не собственно *за меня и себя*, а за наше домашнее благополучіе, за нашъ покой,—такой безмятежный... до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ... Но попробуй, хотя на минуту, подумать о томъ, неужели всегда всю жизнь только и жить (ты подумай—*жить*...) интересами своего *благополучія*, своего *покоя* и не имѣть впереди *никакихъ* стремленій, *никакихъ* цѣлей, которыя бы хоть сколько-нибудь отличались отъ обычной, будничной жизни, отъ обязанностей, которыя также обычны и будничны почти у всѣхъ людей?! А вѣдь жизнь коротка, и она такъ *интересна*, если... если вотъ, на примѣръ, не имѣть на нее *твоей точки зрѣнія*!.. Не такъ дрожать и вѣчно опасаться чего-то... не смотрѣть на все окружающее, какъ на что-то *враждебное*, злое и опасное!..

О. Николай передохнулъ съ минуту и задумчиво прошелся по комнатѣ. Матушка печальными, непонимающими глазами робко слѣдила за нимъ. Она и обрадовалась неожиданной откровенности о. Николая и немного испугалась ея. Въ словахъ мужа, а еще болѣе въ нервной интонаціи его словъ ей чудилось что-то незнакомое, чуждое, незамѣтно вторгшееся въ ихъ тихую и покойную жизнь... А послѣднія слова мужа вмѣсто желаннаго успокоенія принесли на самомъ дѣлѣ тѣнь какого-то зловѣщаго предчувствія. Она подумала-было опять сказать ему: „откажись, не выступай“,—но побоялась и только еще вздохнула.

— Вчера вечеромъ,—какъ бы отвѣчая на ея мысли, сказалъ о. Николай,—когда я пришелъ домой и остался одинъ въ кабинетѣ,—я испыталъ многое... Я не зналъ: радъ я или не радъ моему назначенію?.. со всѣхъ сторонъ я обсуждалъ этотъ вопросъ и... не могъ рѣшить!.. Но я чувствовалъ, что отступать постыдно, недобросовѣстно, и...—уже *поздно*!.. Я назначенъ и... утверждёнъ...

О. Николай прошелъ въ свою комнату и черезъ минуту воротился, держа въ рукахъ объемистую тетрадь. Лицо его было уже спокойно и рѣшительно.

— И вотъ, вчера же вечеромъ,—продолжалъ онъ, остановившись передъ женою,—я пробовалъ уяснить себѣ то, что предстоитъ мнѣ... Я записалъ нѣкоторыя свои мысли. Если хочешь,—я прочту тебѣ ихъ...

И, не дожидаясь отвѣта, о. Николай развернулъ свою тетрадь. Ему было уже почти безразлично, будетъ ли его слушать кто-нибудь, или нѣтъ...

— Конечно, это не страхъ, не малодушная трусость...—началъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.—Нѣтъ!.. И—все-таки я не могу сказать, что я совершенно спокоенъ, что я увѣренно смотрю на то, что предстоитъ мнѣ... Я сознаю всю важность этого назначенія и... никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ *наканунѣ* рѣшительнаго шага своего могъ быть совершенно хладнокровенъ и уравно-

вѣшенъ, какъ всегда!.. Или онъ не придаетъ особаго значенія тому, что его ожидаетъ, или... для спокойствія въ такое время надо имѣть характеръ—непоколебимый и твердый, какъ камень... Но я... я скромно сознаюсь, что чувствую, что-то близкое къ боязни... Не за себя!.. Нѣтъ... что—я?.. За идею боюсь, за славное, святое дѣло!.. Представляется мнѣ, что стою я передъ запертою дверью, куда я войти долженъ... и какъ только войду, тотчасъ же получу или вѣнецъ славы, или... вѣнецъ изъ терній!.. И эта слава или эти тернии—*не мнѣ*, не моему человѣческому самолюбію, —но святой идеѣ миссіонерства и всей его сущности и значенію... И кто бы могъ сказать мнѣ,—чѣмъ кончится моя бесѣда—первая и, быть можетъ, послѣдняя... Но я чувствую, сознаю въ глубинѣ сердца, что не буду я обывальной,—какъ многія, какъ всѣ!.. Не для того я добивался бесѣды, чтобы пополнить собою длинный рядъ наемныхъ проповѣдниковъ, что мертвымъ голосомъ перечисляютъ заранѣе заученныя слова... произносятъ святые, великія слова, проникнутыя миромъ и любовью, а чувство ихъ спитъ непробудно... Да и можно ли зажечь сердца другихъ, если *свое* сердце давно уже застыло въ холодѣ равнодушія!?

— Нѣтъ!.. Не однообразный перечень книжныхъ доказательствъ несу я вамъ, мои будущіе слушатели!.. но *сердце*, свое открытое сердце, которое уже *любитъ* васъ—какъ близкихъ, какъ братьевъ!.. И вы... всѣ вы, которые придете, чтобы услышать слово мое...—*придите и вы ко мнѣ на помощь!*.. Не смотрите на меня съ такимъ недоувѣріемъ, съ такимъ недоброжелательствомъ!.. Вѣдь истина—*одна*... И я стремлюсь къ ней, желаю, и... протягиваю вамъ руку какъ близкій, какъ братъ вашъ!.. Идемте къ ней, къ истинѣ,—*вмѣстѣ!*!

О. Николай вдругъ остановился, услыша позади себя чьи-то рыданія. Онъ, точно проснувшись, съ недоумѣніемъ оглянулся и—тетрадь выпала изъ его рукъ. Матушка, упавъ головою на столъ, горько рыдала...

— Что ты?.. Что съ тобой? Скажи ради Бога!..—забезпокоился о. Николай.—Что случилось?..

Но матушка отъ слезъ не могла и слова сказать и только отмахивалась... Наконецъ, немного успокоившись, она подняла на о. Николая заплаканные глаза свои и трепетнымъ голосомъ сказала:

— Иди!.. я знаю теперь... понимаю... что тебѣ *надо* итти... иди! Только чувствую я, что... — матушка замолкла, закусивъ губы, чтобы опять не расплакаться.

— Ну, что же ты чувствуешь, скажи мнѣ...—спрашивалъ о. Николай, невольно смущенный этими слезами.

— Чувствую, что... *плохо* намъ будетъ!..—отвѣтила матушка... Но все равно... иди... тебѣ *надо* итти... Пусть тебѣ поможетъ Богъ!..

И, быстро перекрестивъ мужа, матушка выбѣжала изъ комнаты. А о. Николай долго ходилъ изъ угла въ уголъ, глубоко задумавшись.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я. Богатенко.

О П Р О ВѢДѢНІИ СЕДЬМИНЫ:

Вопросъ (П. Л. Семенова): Благоволите разъяснить 24 стихъ 9 гл. кн. пророка Даниїла: „Семьдесятъ седмины сократятся о людехъ твоихъ, и о градѣ твоємъ святѣмъ, яко да обещаетъ согрѣшеніе, и скончается грѣхъ, и запечатается грѣси, и загладятся неправды, и очистятся

беззаконія, и приведется правда вѣчная: и запечатается видѣніе и пророкъ, и поможется Святыи Святыхъ“.—Когда именно исполнились эти седмины?

Отвѣтъ: Вопросъ слишкомъ сложный, требующій весьма обстоятельнаго изслѣдованія, и не въ размѣрахъ отвѣта, тѣмъ не менѣе постараемся по возможности высказаться по существу.

Когда іудеи находились въ плѣну вавилонскомъ, и предсказаніе пророка Іереміи, что плѣнъ этотъ продолжится 70 лѣтъ, послѣ чего народъ іудейскій снова возвратится въ Іудею и будутъ построены храмъ и Іерусалимъ,—близилось къ концу, пророкъ Даниїль обратился съ молитвой къ Богу, чтобы Онъ помиловалъ, наконецъ, по обѣщанію своему, народъ свой, снялъ съ него беззаконія и водворилъ на землѣ правду, возстановилъ святой городъ Іерусалимъ и святой домъ свой во Іерусалимѣ. Въ отвѣтъ на эту молитву пророкъ и удостоился получить отъ Бога сказанное откровеніе. Богъ чрезъ своего архангела Гавріїла отвѣчаетъ Даниїлу: Поелику ты просишь за Іерусалимъ и молишься за народъ іудейскій, то выслушай слѣдующее: точно придетъ время, когда сдѣланъ будетъ конецъ беззаконіямъ, сняты будутъ грѣхи, загладятся преступленія, и введена будетъ правда вѣчная, и положится печать на пророково (Іереміи) видѣніе, и освятится (помазанъ будетъ) Святыи Святыхъ. Но до этого блаженнѣйшаго времени пройдетъ семьдесятъ седмины: Семьдесятъ седмины опредѣлены для народа Твоего и святаго града Твоего, чтобы покрыто было преступленіе, запечатаны были грѣхи и заглажены беззаконія, и чтобы приведена была правда вѣчная, и запечатаны были видѣніе и пророкъ, и помазанъ былъ Святыи Святыхъ (Дан. 9, 24).

Теперь, чтобы отвѣтить на вопросъ: когда же исполнились эти седмины?—необходимо прежде всего прочесть слѣдующіе три стиха той же главы. Здѣсь читаемъ:

Итакъ, знай и разумѣй: съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима, до Христа Владыки семь седмины и шестьдесятъ двѣ седмины; и возвратится народъ, и обстроятся улицы и стѣны, но въ трудныя времена.

И по истеченіи шестидесяти двухъ седмины преданъ будетъ смерти Христосъ, и не будетъ; а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вояждя, который придетъ, и конецъ его будетъ какъ отъ наводненія, и до конца войны будутъ опустошенія.

И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седмина, а въ половинѣ седмины прекратится жертва и приношеніе, и на крылѣ святилища будетъ мерзость запустѣнія, и окончательная и предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя (Дан. 9, 25—27).

Итакъ, когда же все это исполнилось? „Я знаю,—отвѣчаетъ на это блажен. Іеронимъ,—что объ этомъ вопросѣ различно рассуждали ученѣйшіе мужи и что каждый, подобно съ своими умственными дарованіями, высказалъ то, что думалъ“ (Твор., ч. XII, 80). И, дѣйствительно, сужденія по данному вопросу очень многія и разнообразныя. „Болѣе полустолѣтія тому назадъ,—говоритъ А. Бѣляевъ,—протоіерей Павскій писалъ, что касательно рѣшенія вопроса о седминахъ составилось у богослововъ не менѣе пятидесяти мнѣній. Теперь ихъ еще больше“ (А. Бѣляевъ: „Семьдины Даниїловы“).

Однако, несмотря на разнообразность сужденій по вопросу о седминахъ Даниїловыхъ, большинство святыхъ отцовъ сходитя во мнѣніи, что седмины эти исполнились въ первое пришествіе Христа Спасителя. Мнѣніе этого большинства вполне выражаютъ святые Ефремъ Сиринъ и

Θеодоритъ. Первый изъ нихъ говорить: „Какъ при началѣ семидесяти седьминъ долженъ быть (по пророчеству) возстановленъ городъ: такъ къ концу ихъ придетъ Христосъ. И такъ, семьдесятъ седьминъ уже протекли до пришествія Христа. И какъ домъ или храмъ, и городъ будутъ возстановлены въ теченіе семи седьминъ, такъ и Христосъ по прошествіи отъ возстановленія (храма и города) шестидесяти седьминъ будетъ умерщвленъ“ (Толков. на книгу Даниїла). То же говорить и блаженный Θеодоритъ: „Немія... получивъ благосклонное соизволеніе царя, возвращается въ отечество, со всѣмъ усердіемъ довершаетъ недоставившее въ Божіемъ храмѣ, воздвигаетъ городскія стѣны, и, укрѣпивъ отъсюду башнями, сооружаетъ врата, и, возбудивъ священниковъ, городъ, не имѣвшій въ себѣ жителей, наполняетъ обитателями. Сіе то давая разумѣть Божественный архангелъ сказалъ: *Итакъ, знай и разумй: съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима до Христа Владыки семь седьминъ и шестидесятъ двѣ седьмины* (Дан. 9, 25)... А чтобы не подумали иные, будто бы утверждаемъ это безъ основанія, предложимъ счисленіе самыхъ годовъ. Отъ двадцатаго года царствованія Артаксеркса, сына Ксеркса... до Дарія, сына Арсамова, котораго убивъ, Александръ Македонскій разрушилъ царство Персидское,—114 лѣтъ; отъ шестого же года Александра, въ который убитъ Дарій, до Каія Юлія Кесаря, перваго самодержца Римскаго, всѣхъ лѣтъ царства Македонскаго 282 года; и отъ начала владычества Юлія Кесаря до пятнадцатаго года Тиверія Кесаря, когда Іоаннъ Креститель пришелъ на Іорданъ, проповѣдуя крещеніе покаянія и взывая: *вотъ Агнецъ Божій, Который беретъ на себя грѣхъ міра*,—73 года. Числа эти, сложенные вмѣстѣ, составляютъ число 469, а такое число лѣтъ составляетъ еврейскихъ годовъ 483 года; но такое же число составляютъ семь и шестьдесятъ двѣ седьмины“.

„Надлежитъ же знать, что свершится и въ другую седьмину. Ибо во время нея данъ будетъ вѣрующимъ Новый Заветъ и исполнить ихъ всякой силы. А въ половинѣ этой седьмины *отнимется жертва и возліяніе*, т. е. прекратится жертва подзаконная, когда принесена истинная жертва Непорочнаго Агнца, вземлющаго грѣхъ міра... Если же кто желаетъ знать самое время, то изъ Евангелія отъ Іоанна узнаетъ, что Господь, около трехъ съ половиною лѣтъ проповѣдая и утверждая святыхъ своихъ учениковъ учениемъ и чудесами, потомъ претерпѣлъ страданіе; а послѣ креста и смерти, по воскресеніи и вознесеніи на небеса, и по сошествіи Св. Духа, въ остальное время седьмины святые апостолы, проповѣдуя и творя чудеса въ Іерусалимѣ, и многія тысячи людей наставивъ въ евангельскомъ ученіи, сподобили ихъ Новаго Завета и приготовили къ принятію благодати всесвятаго крещенія... Поэтому-то Божественный архангелъ блаженному Даниїлу говоритъ, что *утвердитъ заветъ для многихъ одна седьмина*, соединяя вмѣстѣ и время, предшествовавшее Кресту Господа, и время по воскресеніи Спасителя. Потомъ дѣлитъ седьмину и говоритъ: *и въ половинѣ седьмины отнимется жертва и возліяніе*, потому что съ принесеніемъ истинной жертвы получить конецъ сѣнь законная. И сверхъ этого еще говоритъ: *и во святыхъ мерзость заустѣнія*; потому что,—говоритъ онъ,—ради этой жертвы не только прекратится она жертва, но и *мерзость заустѣнія* дана будетъ святилищу, т. е., бывъ прежде чтимымъ и приводя въ трепетъ, сдѣлается оно заустѣвшимся. Признакомъ же заустѣнія будутъ нѣкоторыя изображенія, запрещенныя закономъ и внесенныя во святилище. А это сдѣлалъ Пилать, внесши ночью въ храмъ Божій, вопреки Божію закону, царскія изображенія. Это и Господь предсказалъ святымъ ученикамъ своимъ въ свя-

щенныхъ Евангеліяхъ: *когда увидите мерзость заустѣнія, реченную чрезъ Даниїла пророка, знайте, что приблизилось заустѣніе его*“ (Бл. Θеодоритъ: Твор., ч. 4, стр. 181—192).

Но тогда, какъ большинство свв. отцовъ рѣшали, что седьмины Даниїловы получили исполненіе въ первое пришествіе Христа Спасителя, нѣкоторые свв. отцы, напримѣръ, Ипполитъ Римскій, учили, что къ первому пришествію Христову исполнилось только шестьдесятъ девять седьминъ, что же касается полъдней, семидесятой седьмины, то они относили ее къ послѣдней седьминѣ міра. Такъ, св. Ипполитъ Римскій говоритъ: *Семь седьминъ*: Даниїль *видѣлъ это* (получилъ откровеніе о седьминахъ) въ 21-мъ году въ Вавилонѣ; 49 лѣтъ, прибавленныхъ къ 21-му году, составляетъ 70 лѣтъ, о которыхъ предсказалъ Іеремія (25, 11). *Шестидесятъ двѣ седьмины*: послѣ того, какъ народъ вернулся изъ Вавилона подъ предводительствомъ Іесуса, сына Іоседекова, и Ездры писца, и Зоровавеля, сына Салафилева изъ племени Давыдова, прошло 434 года до пришествія Христа. А когда исполнились времена, осталась одна послѣдняя недѣля, во время которой будутъ Ілія и Енохъ, а въ срединѣ ея явится мерзость заустѣнія, именую—антихристъ, возвѣщая опустошеніе міра“ („Богосл. Вѣстн.“ за 1894 г., т. I, стр. 213).

Свое мнѣніе о единой седьминѣ, какъ послѣдней седьминѣ міра, св. Ипполитъ высказалъ и въ другомъ своемъ сочиненіи: въ „Сказаніи о Христѣ и антихристѣ“. „Онъ (Даниїль),—читаемъ здѣсь,—означилъ одну седьмину лѣтъ, послѣднюю, имѣющую быть въ послѣднихъ временахъ, при концѣ всего міра. Половину этой седьмины возьмутъ пророки Енохъ и Ілія (Апок., 11,3)“ (см. § 43). А вторую половину, что видно изъ хода рѣчи св. Ипполита, займетъ царствованіе антихриста.

Итакъ, мы встрѣчаемся какъ бы съ противорѣчіемъ у свв. отцовъ: одни относятъ пророчество о седьминахъ только ко времени перваго пришествія Христа Спасителя, а другіе—семидесятую седьмину относятъ къ послѣднему времени, и именно къ послѣдней седьминѣ міра. Но мы полагаемъ, что это противорѣчіе примиримо. Св. Ефремъ Сиринъ пишетъ: „Что пророки говорятъ о случившемся, или имѣющемъ быть съ народомъ Божіимъ (іудейскимъ), то надобно относить къ будущему состоянію Церкви Христовой“ (Твор., V, 513). Слѣдовательно, и то, что произошло въ послѣдніе дни въ церкви ветхозавѣтной, можетъ быть, принято за прообразъ имѣющаго совершиться и въ церкви новозавѣтной.

Довольно обстоятельныя и, можно сказать, вполне справедливыя сужденія по данному вопросу высказываетъ проф. А. Бѣляевъ. Онъ говоритъ: „Всѣ положенія стиха 27-го (9 гл. кн. прор. Даниїла) весьма удобно примѣняются къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ міра, хотя прежде всего они заключаютъ въ себѣ предсказанія о первомъ пришествіи Христа и относятся къ началу Новаго Завета. Такъ, слова: *утвердитъ заветъ для многихъ одна седьмина*, въ примѣненіи къ первому пришествію Іесуса Христа, значатъ, что тогда вступили въ новый заветъ съ Богомъ многіе язычники и немногіе изъ іудеевъ; а въ отношеніи къ послѣдней седмицѣ міра они предсказываютъ на вступленіе въ заветъ многихъ іудеевъ, когда событія времени и проповѣдь Еноха и Іліи обратятъ евреевъ ко Христу (Малах. 4, 5, 6; Апок. 11 гл.), и *весь Израиль спасется*, чтобы всѣ были помилованы (Римл., 11 гл.). *Въ половинѣ седьмины прекратится жертва и приношеніе*. При первомъ пришествіи Іесуса Христа, искупительною Его жертвою, вѣнцомъ которой была Его крестная смерть, были устранены, стали не нужны и прекращены ветхозавѣтныя жертвы: въ послѣд-

ною полседмицу міра врагъ Христа замыслить искоренить жертву новозавѣтную, евхаристическую". „Всѣ седмины,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не исключая и семидесятой, кончились, и включенныя въ предѣлы ихъ событія совершились. Но мы полагаемъ, что нѣчто подобное тѣмъ событіямъ, которыя совершились при первомъ пришествіи Ісуса Христа, произойдетъ и предъ вторымъ Его пришествіемъ, и что это таинственно предвозвѣщено въ пророчествѣ Данииловомъ о семидесятой седминѣ. Что же именно произойдетъ тогда? По окончаніи Вѣтхаго Завѣта святыня ветхозавѣтная была осквернена и разрушена; мерзость запустѣнія стала на святомъ мѣстѣ; владѣвшій этою святынею народъ былъ пораженъ величайшими бѣдствіями и частію уничтоженъ, частію разсѣянъ. Это было возмездіемъ за нечестіе этого народа, за величайшее злодѣяніе, совершенное имъ, — Христоубійство. Подобнымъ образомъ предъ вторымъ пришествіемъ Христа отступленіе людей отъ Бога произведетъ антихриста и подготовитъ его царство, а антихристъ изгонитъ изъ христіанскихъ храмовъ служеніе истинному Богу и Христу, поставитъ въ нихъ свои изображенія и повелитъ почитать себя за Бога, а иные храмы разрушить и будетъ уничтожать всѣ священные предметы всякаго вообще богослуженія, а въ особенности христіанскаго, и всюду вводитъ служеніе себѣ. Вотъ мерзость запустѣнія, которая станетъ тогда на святомъ мѣстѣ. И такое оскверненіе святыни произойдетъ потому и за то, что мерзость запустѣнія еще раньше антихриста водворится въ живыхъ храмахъ—въ сердцахъ людей, которые отступятъ отъ Бога и поэтому сдѣлаются недостойны имѣть святыни. Какъ во время перваго пришествія Ісуса Христа ужасное злодѣяніе Христоубійства стало мерзостію, осквернившюю и опустошившею ихъ души и приведшею ихъ къ гибели, а ихъ святыню къ оскверненію и разрушенію со стороны язычниковъ, такъ и въ послѣднія времена мерзость богоотступничества, не меньшая, нежели Христоубійство, гнусная и губительная, осквер-

нитъ и погубитъ души людей, а чрезъ антихриста, достигши въ немъ ужасныхъ размѣровъ, и чрезъ его споспѣшниковъ, осквернитъ или уничтожитъ святыни. А Богъ попуститъ этому быть потому, что люди чрезъ свое нечестіе и богоотступничество сами сдѣлаются виною оскверненія святыни и недостойными имѣть ее чистою и неприкосновенною... вмѣстѣ съ прочими видами богопочитанія въ послѣднюю полседмицу міра сократится и принесеніе безкровной жервы. Люди, равнодушные къ вѣрѣ или боязливые, каковыхъ будетъ тогда очень много, не говоря уже о явныхъ отступникахъ отъ вѣры въ Бога, не будутъ принимать евхаристической жертвы. А антихристъ и его приверженцы съ особенною яростію будутъ преслѣдовать приносящихъ и вкушающихъ евхаристію и употреблять всѣ средства къ искорененію этого таинства“.

Указывая далѣе на апостольскія слова (1 посл. къ Коринѳяномъ, 11, 26), цитируемый нами авторъ основательно спѣшитъ прибавить, что „евхаристическая жертва будетъ совершаться на землѣ до самаго второго пришествія Христа. И по ученію Ісуса Христа, если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть: но ради избранныхъ сократятся тѣ дни (Мѡ., 24, 22). А дни эти—время антихристова. Слѣдовательно, избранные будутъ и во время антихриста и,—что особенно важно,—переживутъ это время, пребудутъ избранными. Эти избранные и будутъ приносить жертву Христову до второго пришествія Христа. Да и въ Апокалипсисѣ сказано, что жена,—разумѣется Церковь,—улетитъ отъ лица змѣя въ свое мѣсто, въ пустыню и будетъ тамъ питаться въ продолженіе времени, временъ и полувременъ (12, 14), т. е. въ теченіе трехъ лѣтъ съ половиною во все время царствованія антихриста“ (А. Бѣляевъ: „Седмины Даниіловы“).

Діакону Черникову. Съ вашими доносами обратитесь къ мѣстному епископу.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Высочайшая отмѣтка.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшей телеграммы старообрядцевъ, собравшихся по случаю торжества освященія новаго храма въ дер. Песковаткѣ, Аткарскаго уѣзда, съ выраженіемъ одушевляющихъ ихъ вѣроподданническихъ чувствъ, 24-го сего декабря, собственноручно изволилъ начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ“.

Чтеніе въ московск. братствѣ.

16 января въ новой аудиторіи Политехническаго музея будетъ чтеніе о. діакона Ѳ. Гусликова, на тему: „Восточная церковь въ ХVIII столѣтіи и отношеніе къ ней старообрядцевъ“. Начало чтенія въ 2 часа дня. Послѣ чтенія послѣдуетъ обмѣнъ мнѣній.

Богородскъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ гор. Богородскѣ воздвигается старообрядческій храмъ по типу древняго храма, построенаго св. Евфросиніей Полоцкой въ ея монастырѣ въ г. Полоцкѣ, куда въ прошломъ году перенесены св. ея мощи изъ г. Кіева. Иконостасъ въ

богородскомъ храмѣ будетъ четырехъярусный изъ свѣтлаго дуба съ подборомъ иконъ ХVIII вѣка. Отопленіе храма во-

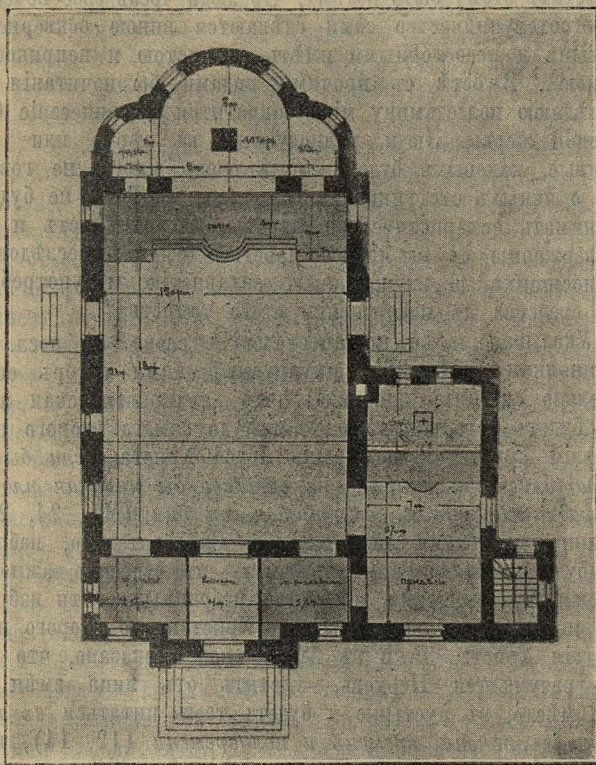

Закладка храма при старообрядческой богородско-глуховской общинѣ въ г. Богородскѣ.

дяное. Закладка богородскаго храма состоялась 10 октября минувшаго года. Звонница будетъ помѣщена рядомъ съ храмомъ, и къ ней пристроится придѣлъ, куда будетъ перене-

сень существующій нынѣ храмъ въ г. Богородскѣ во имя свят. Николы.

По распоряженію А. П. Морозова на-дняхъ выѣхали

Планъ храма при старообрядческой богородско-глуховской общинѣ въ г. Богородскѣ.

отъ него одна учительница церковнаго пѣнія и уставщикъ въ Георгіевскѣ, Терской обл., куда приглашены С. В. Бѣловымъ для постановки крюкового пѣнія.

Достойный примѣръ.

6-го декабря минувшаго года Саратовъ праздновалъ первую годовщину существованія своего университета. Скромно и не такъ пышно, какъ открытіе университета, прошло это празднество, но тѣмъ не менѣе, актъ этотъ важенъ для Саратова, какъ первый годъ его бытія университетскимъ городомъ. Съ момента возникновенія саратовскаго университета ректоръ его, профессоръ Разумовскій, проявилъ гуманное отношеніе къ старообрядчеству, любезно пригласивъ преосвященнаго Мелетія раздѣлить торжество открытія храма науки. Приятно отмѣтить, что взглядъ этотъ продолжаетъ быть и теперь не менѣе гуманенъ и искрененъ. Мужу науки видятъ въ старообрядствѣ людей религіи, стойкихъ хранителей завѣтовъ сѣдой старины, освященной вѣками, и поэтому отводятъ ему подходящее мѣсто въ рядахъ гражданъ своего отечества. Наука не смотритъ на старообрядцевъ воспаленными глазами узкой нетерпимости, она чужда вмѣшательства въ вопросы духа и религіозныхъ убѣжденій человѣка, въ чемъ печальную память стяжало себѣ духовенство господствующей церкви, не могущее и до сего времени отрѣшиться отъ духа преслѣдованія инако вѣрующихъ.

Яркой иллюстраціей отношенія представителей науки къ старообрядчеству можетъ служить минувшій университетскій праздникъ, на который получилъ почетное приглашеніе и преосвященный Мелетій. Вотъ дословное содержаніе этого приглашенія:

„М. Н. П.

Императорскій Николаевскій университетъ.

5-го декабря 1910 г., № 2064.

Его преосвященству
преосвященнѣйшему Мелетію,
епископу старообрядческому.

Ваше преосвященство! Совѣтъ Императорскаго Николаевскаго университета, согласно опредѣленію своему, состоявшемуся 16-го ноября сего года, имѣетъ честь просить ваше преосвященство почтить своимъ присутствіемъ молебень и торжественный годичный актъ университета, имѣющіе быть 6-го сего декабря, въ 2 часа дня, въ актовомъ залѣ университета.

Ректоръ университета В. Разумовскій.

Секретарь совѣта С. Купцовъ.“

Приглашеніе это было получено въ отсутствіе владыки, бывшаго въ это время въ Уральской области. По приѣздѣ владыка счелъ нужнымъ отвѣтить на приглашеніе слѣдующимъ привѣтствіемъ:

„Совѣту Императорскаго Николаевскаго университета. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ отвѣтить признательностью совѣту саратовскаго университета за оказанную мнѣ честь приглашеніемъ присутствовать на торжествѣ годичнаго акта университета. Почтить это празднество я, къ сожалѣнію, не могъ по причинѣ отсутствія моего изъ Саратова, куда я возвратился лишь 8-го сего декабря.

Привѣтствуя теперь Николаевскій университетъ съ истекшей годовщиной его существованія, желаю ему процвѣтанія на благо дорогой родины, ибо, по моему убѣжденію, только просвѣщеніе, проникнутое истинно-христіанскимъ духомъ, способно вести народы къ лучшему будущему. Пусть же родной университетъ горитъ яркимъ свѣточемъ на народной нивѣ просвѣщенія, воспитывая отечеству достойныхъ гражданъ и славныхъ дѣятелей на поприщѣ науки.

Старообрядческій епископъ Мелетій“.

Проектъ храма богородско-глуховской старообрядческой общины въ г. Богородскѣ.

Это истинно-человѣческое отношеніе къ старообрядчеству со стороны представителей науки можетъ служить достойнымъ примѣромъ духовенству именуемаго православія. „Возбуждая“, по словамъ „православнаго“ духовенства, интеллигенція, несомнѣнно, больше проявляетъ терпимости и уваженія къ вѣрованіямъ другихъ, чѣмъ хотя и „вѣрующее“, но попирающее завѣты Христа по отношенію инако мыслящихъ духовное сословіе господствующаго „православія“.

Г. Измаиль, Бессар. губ.

(Отъ нашего корреспондента).

6 декабря, въ день святителя Христова Николы Чудотворца, здѣсь происходило выдающееся церковное торжество. Нашъ городъ посѣтилъ назначенный освященнымъ соборомъ быть управителемъ измаильской епархіей епископъ Кирилль. вмѣстѣ съ нимъ прибыли: изъ г. Одессы, діакопъ о. Григорій Гребенцуковъ и изъ г. Херсона о. протоіерей Петръ Пв. Матасовъ со своимъ діакономъ о. Львомъ Овсянниковымъ и хоромъ пѣвцовъ. Наканунѣ праздника владыка, въ сослуженіи названнаго духовенства, а также мѣстныхъ: о. протоіерея Трофима, свящ. о. Авраамія и діакона Евенмія и священниковъ: о. Назарія с. Буровки и о. Кипріана д. Новой Некрасовки, совершилъ всенощное бдѣніе. На самый праздникъ, въ 7 часовъ утра, послѣдовала торжественная архіерейская встрѣча и затѣмъ облаченіе владыки среди храма. Положенные стихи прекрасно исполнялъ херсонскій хоръ. Послѣ облаченія начато было чтеніе часовъ и затѣмъ торжественнымъ соборнымъ служеніемъ Божественная литургія. Во время малаго выхода владыка возвелъ въ чинъ протодіакона о. Льва Овсянникова, а послѣ пѣнія „Достойно есть“, совершилъ хиротонію во діаконы инока Тавріона. Во время Божественной литургіи пѣснопѣнія исполнялись на два клироса, — на правомъ пѣли мѣстные пѣвцы, а на лѣвомъ хоръ, прибывшій изъ Херсона. Богослуженіе закончилось торжественнымъ провозглашеніемъ о. протодіакономъ многолѣтій Государю Императору, Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, епископу Кириллу и создателямъ и благотворителямъ св. храма. По окончаніи богослуженія была предложена скромная трапеза, во время которой читался „жертвенникъ“.

7-го декабря владыка также совершалъ Божественную литургію, на которой въ положенное время рукоположилъ іеродіакона Тавріона въ священники для Муравлянскаго монастыря.

Во время торжественнаго архіерейскаго богослуженія присутствовало такое огромное количество молящихся, что въ храмъ, вмѣщающій около 2000 челоѣкъ, не могло вмѣститься и половины, и послѣдніе стояли въ оградѣ храма.

Хуторъ Ляпичевъ, Донской области.

(Отъ нашего корреспондента).

30 ноября проѣздомъ по епархіи нашъ хуторъ посѣтилъ епископъ Геннадій и въ тотъ же день въ храмѣ св. и чудотворца Николы совершилъ всенощное бдѣніе, а утромъ Божественную литургію. За литургіей были рукоположены въ діаконы, кандидатъ на священника во вновь образовавшійся приходъ хутора Горина, — смежный съ хуторомъ Ляпичевымъ.

На торжество, для встрѣчи владыки собрались христіане не только хутора Ляпичева, но и изъ окрестныхъ хуторовъ. За литургіей, интересуюсь, какъ видно, архіерейской службой, присутствовали мѣстный единоѣрцескій священникъ и священникъ новообрядческой церкви изъ сосѣдняго села. По окончаніи литургіи владыка сказалъ пространное поученіе:

о крестномъ знаменіи, бранобритіи, куреніи табака, о безпоповцахъ и ихъ заблужденіи, о единоѣрцахъ и ихъ нахожденіи подъ соборными клятвами, о „православіи“ господствующей церкви, и ея пастыряхъ. Послѣднее присутствовавшимъ здѣсь вышесказаннымъ отцамъ слушать, по видимому, не весьма было пріятно, впрочемъ они сохранили полное спокойствіе, чего въ псаломщикѣ не замѣчалось. Пожелавъ затѣмъ душевнаго спасенія и, преподавъ благословеніе молящимся, владыка съ пѣніемъ прослѣдовалъ пѣшкомъ въ домъ о. Мины, гдѣ была предложена скромная трапеза. 1-го декабря владыка опять совершилъ богослуженіе и рукоположилъ діакона Андрея во священники въ церковь хутора Горина, отсюда владыка прослѣдовалъ въ хуторъ Болпачки.

Хуторъ Логовской, Донской обл.

(Отъ нашего корреспондента).

Проѣзжая по донской епархіи, владыка Геннадій посѣтилъ и нашъ хуторъ, гдѣ вновь подъ 12 декабря совершилъ всенощное бдѣніе, а на слѣдующій день — литургію. По окончаніи литургіи владыка сказалъ слово о раздорствующей братіи, которыхъ, слѣдуетъ замѣтить, не мало присутствовало за молитвой. Послѣдніе просили владыку Геннадія побесѣдовать съ ихъ священникомъ о. Петромъ Куркинымъ объ общинѣ и окружномъ посланіи. На что владыка далъ согласіе и просилъ назначить время и мѣсто. Но 12-го о. Петръ уклонился назначить то и другое. Владыка остался на 13-е, ожидая отвѣта. 13-го, заручившись подпиской отъ владыки Геннадія, что послѣдній всю вину за веденіе бесѣды беретъ на себя, о. Петръ прибылъ въ храмъ Успенія Пресвятой Богородицы, гдѣ владыка ожидалъ его съ собравшимися слушателями уже 2 часа. Первый вопросъ былъ поставленъ владыкой, согласно желанію просившихъ, объ общинѣ: Признаетъ ли о. Петръ въ общинѣ какую погрѣшность или ереси? На этотъ вопросъ о. Петръ отвѣта не далъ, несмотря на то, что этотъ вопросъ былъ повторенъ нѣсколько разъ владыкой. Но перешелъ къ Окружному посланію, прося его вновь уничтожить и все содержащееся въ немъ проклясть, не исключая и имени „Иисусъ“. Владыка указалъ на впрередъ бывшіе примирительные акты, на соборное постановленіе, и доказалъ полную неосновательность требованія о. Петра. Владыка говорилъ, что ни община и ни Окружное посланіе служатъ предметомъ раздора, а нѣчто другое... Ибо раздорствующіе сами раздѣлились между собою на іовцевъ, даниловцевъ, іосифовцевъ, и, наконецъ, на безъ-епископцевъ, къ которымъ принадлежитъ и о. Петръ. Далѣе владыка просилъ оставить раздоръ и составить едино стадо, расторгнутое здѣсь всего только восемь лѣтъ. Пожелавъ затѣмъ душевнаго спасенія и, преподавъ благословеніе, владыка отбылъ въ станицу Верхне-Чирскую, гдѣ служилъ молебень, а оттуда прослѣдовалъ въ Ковылевы, гдѣ совершилъ всенощное бдѣніе и литургію.

Березовка, Херсонской губ.

(Отъ нашего корреспондента).

У насъ въ Березовкѣ до дарованія Высочайшей свободы старообрядческой молитвенный домъ существовалъ съ лишнимъ 30 лѣтъ. Какъ постройка молитвеннаго дома, такъ и содержаніе его и священника съ причтомъ производились на личныя средства мѣстнаго благотворителя Евсевія Артемьевича Фролова, который за свои добрыя дѣла много перенесъ въ то время разныхъ невзгодъ, какъ со стороны власти, такъ и отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій-старообрядцевъ, питавшихъ злобу на Фролова изъ-за личныхъ своихъ дѣлъ и доносившихъ властямъ за разную мелочь: Фроловъ пола содержитъ, Фроловъ свѣчи продаетъ, — обычно доносили они. Но Фроловъ все переносилъ, ни на кого не

обижался, только и говорилъ: „Прости имъ, Господи, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ“. Г. Фроловъ старался, чтобы не было голода духовнаго среди горсти старообрядцевъ, несчастныхъ въ то время потому, что другого священника не было ближе, какъ 100—150 верстъ. За такія благія старанія Евсевія Артеміевича, и за то, что ему пришлось такъ много перенести, Господь Богъ продолжилъ жизнь его до 90 лѣтъ, и въ 1893 году 9 мая онъ почилъ съ Богомъ. Когда не стало нашего благотворителя, то враги возрадовались: „Умеръ Фроловъ, — говорили они, — умереть теперь и лавченка его“. Такъ называли они нашу моленную. Но Господь милостивъ, Онъ вложилъ умъ въ сердца его сыновей Антонія и Увеналія, которые пошли по стопамъ своего родителя и, видя, что моленная наша уже не стала вмѣщать всѣхъ прихожанъ, такъ какъ приходъ время отъ времени все увеличивался, они на свои средства увеличили моленную и сдѣлали притворъ. Врагамъ это благое дѣло было противно, и они донесли объ этомъ властямъ, слѣдствіемъ чего было

Храмъ въ селѣ Комельгино, Калужской губ. и уѣзда, во имя Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста.

слѣдующее. Въ 1902 году, на первой недѣлѣ Великаго поста, во время совершенія Божественной литургіи, когда достойные приготовились принять святыхъ Таянъ Христовыхъ, въ это время вошелъ въ моленную мѣстный приставъ съ понятными и сказалъ: „Выходите, я запечатаю вашу моленную“. Молящіеся, услыша голосъ и слова пристава, упали отъ страха и жалости и зарыдали, какъ приговоренные къ смерти. Только благодаря хорошимъ отношеніямъ Фроловыхъ къ приставу, онъ по ихъ просьбѣ согласился обождать до окончанія литургіи, которая окончилась съ плачемъ и рыданіемъ. По окончаніи службы на дверяхъ мо-

ленной была наложена печать, и мы остались духовными сиротами. Послѣ этого событія, мы начали совершать свои молитвы въ землянкѣ, которая находилась въ углу двора нашихъ благотворителей гг. Фроловыхъ; въ ней мы провожать стали посты и встрѣчать великопостные праздники. Слава Богу, теперь, по дарованіи Высочайшей свободы, у насъ утверждена община и красуется новый каменный храмъ, съ такою же колокольной. Духовно мы теперь богаты, но жаль, что и въ настоящее время есть отростки тѣхъ вредныхъ людей, которые вводятъ раздоръ въ нашей общинѣ. Говорятъ, будто бы совѣтъ отчеты вести неправильно, священникъ нехорошъ, уставщика надо выбросить и т. д. Доколѣ же, Господи, будетъ продолжаться среди христіанъ такое братоненавистничество?

Мірская жизнь

Событія въ Россіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до свѣдѣнія католическихъ епископовъ, что распоряженія римскаго папы, не прошедшія черезъ русскія правительственныя инстанціи, необязательны для русскихъ подданныхъ.

— Въ Москвѣ обнаружено с.-д. собраніе; арестовано 6 человекъ.

— Въ Петербургѣ состоялся 2-й всероссійскій съѣздъ «евангельскихъ христіанъ».

— Приамурскіе молокане собираются переселиться въ Америку.

— Самарская дума постановила принять на счетъ города всѣ расходы по сооруженію политехникума.

— Въ г. Вѣрномъ нѣтъ ни одного неповрежденнаго зданія; насчитывается болѣе 700 семействъ, лишившихся крова.

— Наиболѣе значительныя разрушенія произведены землетрясеніемъ по берегу Исыкъ-Куля, въ сс. Айталъ, Сазановка и Преображенское.

— Въ Туркестанскомъ краѣ и Семирѣчьи повторяются слабья колебанія почвы.

— Въ урочищѣ Акчагыль, Астраханской губерніи, заболѣло чумой 2, умеръ 1; въ урочищѣ Бискинѣ умеръ 1, заболѣлъ 1.

— Въ Харбинѣ за 6 дней умерло отъ чумы 95 человекъ. Въ урочищѣ Акчагыль, Астраханской губерніи, заболѣло 9, умерло 2; въ урочищѣ Косай умеръ 1, заболѣлъ 1.

— Въ Каспійское море унесены на оторвавшейся льдинѣ ловцы поселковъ Телячяго и Ковылева, въ числѣ 85 человекъ.

— Близъ ст. Зилово, Амурской области, найдены россыпи золота; близъ Читы обнаружены мѣстонахожденія драгоценныхъ камней.

За границей.

— Въ Монако обнародована и вступила въ силу конституція.

— Президентомъ французской палаты депутатовъ избранъ Бриссонъ.

— Румынскій кабинетъ подалъ въ отставку; преемникомъ либерала Братіана называютъ главу консервативной партіи Карпа.

— Венгерскій парламентъ принялъ торговый договоръ съ Сербіей.

— Японскій вице-адмиралъ Яширо произнесъ послѣ осмотра Панамскаго канала рѣчь, въ которой предупреждалъ правительство Соединенныхъ Штатовъ отъ сооруженія укрѣпленій на каналѣ. Рѣчь вызвала въ Америкѣ цѣлую бурю въ печати.

— Въ Тянь-Цзинѣ начались грандіозныя студенческія волненія, вызванныя отказомъ немедленно созвать парламентъ.

— Въ Цинцинати сгорѣло зданіе торговой палаты; убытки превышаютъ миллионъ долларовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Свѣтъ жизни.—Святые, ст. *еп. Михаила*.—Опасность толстовства, ст. *Шалаева*.—Отношеніе господствующей церкви къ старообрядчеству въ прошломъ году, ст. *Θ. Мельникова*.—Мысли по вопросу о соединеніи церквей, ст. *принца саксонскаго Макса*.—Обзоръ печати.—Сынки и пасынки Россіи, ст. *старообрядч. свящ. о. К.*—Среди миссіонеровъ.—Неудача, рассказъ *Я. Богатенко*.—Отвѣты редакціи.—Церковно-общественная жизнь.—Мірская жизнь.—Объявленія.

Рисунки и снимки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Рукописи просятъ писать разборчиво и на одной сторонѣ листа, при чемъ между строками слѣдуетъ оставлять возможно широкіе пробѣлы. Снимки, планы и проч. слѣдуетъ вкладывать въ пакеты такимъ образомъ, чтобы они не ломались.

Наслѣдники М. П. ВОСТРЯКОВА,

МОСКВА, Ильинскія ворота, № 12.
НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА, Бубновская площадь, 3—4.

Иконы древ. и нов. Кіоты. Древнія и старообряд. книги и литература. Старинныя русскія вещи. Лѣстовки, мѣдно-литые иконы и кресты. Старообряд. церковные сосуды. Эмалевые, подъ старое складни и цѣпи. Всякаго рода корреспонденцію посылать: *Н. М. Вострякову*.

ОЧ. ВАЖНО ДЛЯ ДѢЛОВ. ЛЮДЕЙ. СКОРОПИСЬ. Соверш. нов. скороп. буквы. Сокращ. раб. и вр. зап. бол. ч. вдвое. К-га „Опыт. постр. раціон. рус. ск-си и Сам-ль“ съ пер. 1 р. нал. пл. 1 р. 25 к. Н. М. Николаевскій г. Воронежъ, Грузов. 10. кв. Ц. Р.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ

(на шестнадцать мѣсяцевъ).

Съ 1-го сентября 1910 года по 1-е января 1912 года (церков. года 7419—7420).

Изданіе Московскаго Старообрядческаго Братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

КАЛЕНДАРЬ СОСТОИТЪ ИЗЪ ДВУХЪ ЧАСТЕЙ.

Въ первую часть входятъ: I. Календарныя свѣдѣнія (съ однимъ снимкомъ). II. Святцы съ житіями (съ 12-ю снимками Богородичныхъ иконъ). III. Алфавитный списокъ именъ святыхъ. IV. Ликъ святыхъ. V. О почитаніи Пресвятой Богородицы. VI. О почитаніи святыхъ. VII. Объ иконопочитаніи. VIII. О постахъ и поклонахъ. IX. О Вселенскихъ Соборахъ. X. Исповѣдницы до и послѣ смерти (съ 2-мя снимками). XI. О троеперетіи на древнемъ покровѣ св. Анны Кашинской (съ 3-мя снимками). XII. Краткій хронологическій перечень важнѣйшихъ церковныхъ событій и правительственныхъ распоряженій по старообрядчеству за 2½ столѣтій (съ однимъ снимкомъ). XIII. Управление древле-православной Церкви въ Россіи (съ 4-мя снимками). XIV. Приходское управленіе (съ 4-мя снимками). XV. О Рогожскомъ кладбищѣ (съ однимъ снимкомъ). XVI. Всероссийскіе съезды (съ 2-мя снимками). XVII. Церковно-общественная жизнь старообрядчества за пять лѣтъ свободы (съ 16-ю снимками). XVIII. Московское Старообрядческое Братство Честнаго Креста (съ однимъ снимкомъ). XIX. Старообрядцы, пріемлющіе священство, переходящее отъ господствующей церкви (съ однимъ снимкомъ).

Во второй части: Россійскій Императорскій Домъ. Законодательныя учрежденія Россіи. Министерства. Почта. Телеграфъ. Судебныя свѣдѣнія. Списокъ городовъ (извѣстныя въ исторіи старообрядчества особо отмѣчены). Желѣзнодорожныя, пароходныя и многія другія календарныя свѣдѣнія. (Во 2-й части 17 портретовъ).

Всего въ календарь 65 снимковъ. Цѣна календаря 25 коп. (съ пересылкой—33 коп.). Выписывающіе наложеннымъ платежомъ приплачиваютъ сверхъ того 10 к. за налогъ и 7 коп. за заказъ. Мелкія суммы лучше посылать почтовыми марками.

Печатаются и въ скоромъ времени поступятъ въ продажу

„ПОМОРСКІЕ ОТВѢТЫ“.

Печатаются съ подлинника слово въ слово.

Цѣна 3 рубля.

ВЫПИСЫВАТЬ КАЛЕНДАРЬ и „ПОМОРСКІЕ ОТВѢТЫ“ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б. Каменщики, домъ Уварова, Старообрядческому Братству Честнаго Креста.

ВАЛДАЙСКІЙ КОЛОКОЛЬНО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ АЛЕКСѢЯ ВАСИЛЬЕВИЧА УСАЧЕВА,

въ городѣ Валдаѣ, Новгородской губерніи.

Отливаю различной величины церковныя колокола съ пріятнымъ и сильнымъ звукомъ, изящною отдѣлкою, а также переливаю и старыя колокола по самымъ сходнымъ цѣнамъ; колокола украшаются изображеніями святыхъ, орнаментами и надписями, подбираю звонъ по камертону. Допускается разсрочка платежа на выгодныхъ для заказчиковъ условіяхъ; за доброкачественность и прочность колоколовъ заводъ выдаетъ ручательство. Доставку колоколовъ по желѣзнымъ дорогамъ заводъ принимаетъ на свой счетъ. Съ заказами и справками прошу обращаться по адресу: городъ Валдай, Новгородской губерніи, колокольный заводъ А. В. УСАЧЕВА.

НА СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЬ

1911
Г.

„ЦЕРКОВЬ“

1911
Г.

Журналъ выходитъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО по прежней программѣ.

Въ 1911 году къ журналу „Церковь“ будутъ даны ДВА БЕСПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. БОЛЬШАЯ КНИГА

„СТАТІИ“ инока НИКОДИМА.

Это—капитальный литературный трудъ, составленный знаменитымъ старообрядческимъ инокомъ **Никодимомъ**, жившимъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. „Статіи“ его печатаются впервые. До сихъ поръ эту огромную книгу можно было приобрести только въ рукописномъ видѣ и по очень высокой цѣнѣ: за 30—50 руб. Настоящее сочинение состоитъ изъ шести статей, раздѣленныхъ на 30 показаній. Одно изъ показаній (28-е) столь обширно, что въ него входятъ 15 главъ. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, весьма цѣнномъ по богатству и разнообразію собраннаго въ немъ матеріала, **инокъ Никодимъ** „показалъ“ и выяснилъ всѣ разногласія между старообрядчествомъ и господствующей церковью. „Статіи“ инока **Никодима** были представлены въ російской правительствующей синодъ. Отвѣта на нихъ изъ синода до сихъ поръ не послѣдовало. Трудъ **инока Никодима** имѣетъ большое значеніе и въ наше время не только какъ дорогой памятникъ старообрядческой письменности, свидѣтельствующій объ умственной жизни старообрядцевъ XVIII столѣтія, но и какъ неопровержимая апологія старообрядчества по вопросамъ, пререкаемымъ между нимъ и господствующей церковью.

II. „ДРУГЪ ЗЕМЛИ“.

Это — ежемѣсячное приложеніе къ журналу „ЦЕРКОВЬ“. Въ немъ даются свѣдѣнія, совѣты, указанія, справки по сельскому хозяйству и по разнымъ вопросамъ земледѣльческаго быта.

Подписная цѣна

на журналъ „ЦЕРКОВЬ“ съ бесплатными приложеніями: „Другомъ Земли“ и „СТАТІЯМИ“ ин. **Никодима** на одинъ годъ 5 руб., на полгода 2 р. 50 коп., на три мѣс. 1 р. 50 коп., на мѣсяць 50 коп.

Въ виду большихъ затратъ по изданію „СТАТІЙ“ ин. **Никодима**, онѣ могутъ быть высланы бесплатно только годовымъ подписчикамъ. Полугодовые подписчики, желающіе получить книгу ин. **Никодима**, благоволятъ доплачивать за нее одинъ рубль. **Неподписчикамъ книга не высылается.** Годовымъ подписчикамъ, не имѣющимъ возможности выслать сразу всю годовую плату за журналъ, допускается разсрочка: къ 1-му января высылаются 2 руб., къ 1-му мая 2 руб. и къ 1-му сентября 1 руб. Книга ин. **Никодима** высылается по полученіи послѣдняго взноса. Внесимъ же одновременно годовую плату книга вышлетъ съ пасхальн. № ж. „ЦЕРКОВЬ“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ: 1) въ редакціи, Биржевая площадь, домъ т-ва Рябушинскихъ. 2) У А. И. Королева, Солянка, Азовское подворье. 3) Въ конторѣ Рогожскаго кладбища. 4) У И. М. Капусткина, въ амбарѣ т-ва Рябушинскаго съ с-ми, на Биржевой площ. 5) У н-въ Артемова, Москворѣцкая ул. 6) У И. А. Пуговкина, Ильинка, магазинъ шляпъ. 7) У Н. М. Вострякова, Лубяно-Ильинскія торгов. пом., 12. 8) У М. И. Бриллиантова, Ветошный проѣздъ, амбаръ №№ 321—322. 9) Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. 10) У П. П. Агафонова, магазинъ Бекъ, у Ильинскихъ воротъ. 11) Въ Братствѣ Честнаго Креста, Б. Каменщики, д. Уварова. 12) въ конторахъ: Л. Шабертъ, Торг. Д. Л. и Э. Метцль, Х. Т. Цвѣткова, П. Д. Косякова. Въ С.-Петербургѣ: 1) Надеждинская, д. № 32, въ Правленіи О-ва Трудовой помощи образованнымъ лицамъ. 2) Б. Охта, книгоизд. И. Захарова и 3) у Ф. П. Федорова, Садовая, 25. Въ г. Рязани, у Ф. И. Масленникова. Въ Харьковѣ, у Ф. М. Демина, лавка т-ва Гябушинскихъ, Суздальскій рядъ. Въ с. Кронау, Херсонской губ., у Е. А. Торлина. Въ г. Егорьевскѣ, Рязанск. губ., у Н. Д. Зенина. Въ г. Ржевѣ, Тверской губ., у И. П. Долгополова, старообрядческ. причетника. Въ Запорожѣ-Каменскомъ, Екатерин. губ., у П. Н. Пастухова. Въ Шадринскѣ у М. Ф. Зарубина. Въ Екатеринбургѣ, Златоустовская ул., № 42, у А. Ф. Гусева. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ у М. Г. Сафронова, шорное заведеніе. Въ Кіевѣ у А. Хребтова, отъ 12 до 1 ч., Костельная, д. 1, кв. 25. Въ Новогеоргиевскѣ, Херс. губ., у К. В. Селезнева. Въ Вильнѣ у М. Краковскаго, Новосвѣтская ул., с. д., № 7. Въ Ригѣ у Поспѣлова, Е. Т., Эстонская, № 2, кв. 6. Въ Варшавѣ у свящ. о. А. Н. Маслова, Долгая, 20. А также при всѣхъ старообрядческихъ общинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Биржевая площадь, домъ т-ва Рябушинскихъ.